

ВЕРОНИКА ШАЛЬ

ДЕРЖИТЕ ФАРМАЦЕВТА!

ИЛИ ЛАВКА В ЗАХОЛУСТЬЕ

18+

Вероника Шаль

Держите фармацевта!

Или лавка в захолустье

<https://litres.ru/74297139>

SelfPub; 2026

Аннотация

Получить в наследство домик в деревне — что может быть лучше?

Всё, если это лавка зельевара на границе враждующих миров, а я попаданка в тело девицы с подмоченной репутацией.

Теперь мне некогда скучать. Ведь пропойца дядя обвиняет меня в чёрствости, соседи — в колдовстве, а высший друид считает меня отпетой воровкой и контрабандисткой, клейма на которой ставить негде. Того и гляди он запретит варить зелья или устроит мне что-нибудь похуже...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	49
Глава 7	55
Глава 8	60
Глава 9	64
Глава 10	69
Глава 11	75
Глава 12	80
Глава 13	86
Глава 14	92
Глава 15	100
Глава 16	104
Глава 17	110
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Вероника Шаль

Держите фармацевта!

Или лавка в захолустье

Глава 1

Все вымышлено. Любые совпадения случайны.

— Я не потерплю убогую поганку в своем доме, — долетело до края моего сознания угрожающее рычание. — Не хочешь уходить по-хорошему — во тьме сгинеешь! Ты слышишь меня?

Я вздрогнула и попыталась удержать тонкую ниточку сознания, но она оказалась слишком эфемерной и рассыпалась сама собой. Так и не успев ничего понять, я опять провалилась в небытие.

Назойливое жужжание проникло в мозг и заставило разлепить веки.

Вместо холодного белого свечения медицинской лампы в глаза ударили желтые лучи, льющиеся из лампочки накаливания. Мощной, ватт этак на 500. Последний раз я такую видела лет пятнадцать назад, у деда на чердаке.

В глазах зарябило, а щеку лизнуло жаром, и я, пытаюсь увернуться от непрошеного тепла, заерзала как уж на скowo-

родке. Но пошевелиться оказалось непростой задачей. Все тело застыло, как если бы я пролежала несколько часов в одной позе.

Рывок — и локоть уткнулся в холодный металл. В стороне что-то гроыхнуло, а мне на голову посыпалась пыль вперемешку с паутиной.

— Апчхи! Апчхи! — вслед за грудной клеткой мое тело неловко дернулось, а в голове зазвенело, словно она была чугунная.

Чихание прозвучало странно. Раньше так громко, даже с небольшим эхом, я не чихала.

«Надеюсь, это не побочный эффект от наведения красоты», — сокрушенно хмыкнула я и, теперь уже с опаской, дернула пятой точкой. Осторожничала не зря: удобного стоматологического кресла подо мной тоже не обнаружилось.

Что происходит? Где я?

И я сконцентрировалась на жужжании, которое сопровождалось легким движением воздуха около лица. Шире приоткрыла веки и уставилась на источник звука.

Желто-черное полосатое брюшко мелькнуло у самых ресниц. И я взмахнула ладонью, собираясь отогнать насекомое повышенной опасности.

— Не трожь! — взревел над моей головой незнакомый мужик, и в его голосе прозвучали истерические нотки. — Очухалась на мою голову, дура!

Но я лишь поморщилась от звуковой волны, ударившей

по ушам, и продолжила преследовать насекомое, которое теперь норовило запутаться в волосах.

А с хамом, советов которого никто не просил, я потом поговорю. Сейчас важнее не потерять из виду пчелу. Или осу, будь она неладна.

— Цыпа-цыпа-цыпа... — выдавила я из себя, стараясь не думать о том, что со мной будет после укуса.

По задумке, звук своего голоса должен был успокоить. Но его тембр оказался не моим. Надломленным. Хриплым. От этого открытия я забыла, что собиралась придать пчеле ускорение в противоположную от меня сторону, и на мгновение замерла.

— Совсем ку-ку, да? — теперь истеричность в голосе непонятого мужика сменилась на угрозу. — Или ты специально? Чтобы меня из себя вывести?

Вверху загрохотали шаги, а я принялась соображать, что случилось. Не в дурдом же я угодила из кабинета стоматолога?

— Утром я что тебе сказал? — не дожидаясь ответа, продолжил угрожающе рычать неизвестный. — Забыла? Так я напомним.

На целую минуту воцарилась тишина, которую нарушало лишь копошение над головой.

— Это мой дом. И моя лавка. А ты попрошайка бесстыжая! А ну выметайся отсюда подобру-поздорову! — рывкнул он с такой силой, что стены задрожали. — И писульки свои

забирай. В сортире пригодятся.

С тихим шуршанием на меня спикировал бумажный свиток, перевязанный коричневой лохматой бечевкой. Я поспешила его поймать, но рука оказалась неловкая, как не своя, и схватила я пальцами воздух. Свиток покатился по полу и вскоре замер у кирпичной стенки.

Кирпичи были красными. Из глины. Раствор, который их скреплял, чуть выступал за плоскость стены и был предсказуемо серым. Пожелтевший свиток лежал на полу и идеально вписывался в цветовую гамму. Пол тоже был серым, местами с охристыми потеками. Я провела пальцами по сырой шероховатой поверхности и сразу узнала текстуру цемента.

Откуда в кабинете стоматолога и моего любимого мужа в одном лице все эти дивные интерьеры, подумать я не успела. Потому что шарканье над головой сменилось заунывным бормотанием.

Захотелось заткнуть уши, а еще лучше — поскорее сбежать от беспокойного незнакомца. Что я и попыталась сделать, забыв про осторожность. И сразу же за это поплатилась: едва я начала приподниматься, боль вспыхнула в правом плече и растеклась по всему телу.

Когда я успела его ушибить?

Пожалуй, решила я, не надо суетиться. И умерила пыл.

Опираясь на здоровую руку, я отползла к стене и привалилась плечом к холодным кирпичам. Голова сразу закружилась, оттого что в нос ударил густой цветочный аромат, пе-

ремешанный с дымом.

Может, я на работе и мы горим? Но в этот момент бормотание вредного мужика перешло в завывание и вопрос с работой отпал. Ведь работаю я в аптеке, а не в психбольнице.

На самой высокой ноте завывание оборвалось, а минуту спустя я услышала нечто похожее своим ритмом на забористый рэп.

А потом и вовсе раздался плеск воды. Странный тип, как бы это безумно ни звучало, похоже, решил принять ванну... Но замолчать при этом он и не подумал.

С каждой минутой происходящее все больше походило на дурной сон.

Может, я и в самом деле сплю? Или попала в реанимацию. Говорят, в коме бывают красочные видения...

Мой взгляд остановился на металлической лестнице, и мне захотелось немедленно подняться и выяснить, насколько материален незнакомец, от причитаний которого я уже начинала звереть.

Не теряя времени, я схватилась за перекладину.

Ржавчина царапнула кожу. Я поднесла ладонь к лицу и уставилась на красную каплю, выступившую через небольшой рваный порез. Лизнула, и на языке растекся характерный металлический привкус.

А потом снова прикипела взглядом к руке и принялась рассматривать тонкие белые полоски на коже. Размашистого шрама на суставе большого пальца у меня никогда не было.

Как и белесых следов от ожога на указательном.

На незнакомых отметилах странности моей кожи не закончились. Сегодня утром она была бледная как моль — а теперь стала покрыта золотистым южным загаром.

И ногти у меня должны быть совсем другими, чуть ребристыми, требующими повышенного ухода. Я провела подушечками пальцев по овальной ногтевой пластинке. Таких идеальных я ни у кого не видела. Я тряхнула рукой, но видение никуда не исчезло. Все та же загорелая рука с длинными пальцами и овальными ногтями.

На них красиво смотрелся бы лак любой расцветки, — мечтательно повертела я ладонью на свету. И только потом оцепенела от догадки.

А что, если я не сплю? Что, если я умерла и попала в чужое тело?

Я ущипнула себя изо всех сил и едва не вскрикнула от боли, которая оказалась реальнее некуда.

Значит, я и в самом деле умерла? Как? Я стала воскрешать в памяти последние минуты своей обычной жизни, но вспомнила лишь чувство горького сожаления.

Собираясь с мыслями, я прислонилась затылком к холодным кирпичам и на миг закрыла глаза. Но тут же мне пришлось поморщиться от очередного завывания, взорвавшего голову. Определенно, с новыми знакомствами лучше не спешить: вторая смерть за день, теперь от рук спятившего горлопана, — это не то, что мне сейчас надо.

Потому что я очень хотела жить. И если Вселенная решила дать мне второй шанс, я не собиралась его упускать. Ведь вся моя недолгая жизнь прошла мимо. Я не успела познать ни любви, ни счастья материнства, ни принятия от родителей. Я даже кота не успела завести!

А еще в той жизни я часто ошибалась. Не тем людям доверяла и не тех остерегалась.

Единственное, что меня радовало, — это моя работа. Только занимаясь ей, я чувствовала, что живу. А когда встречала выздоровевшего пациента, мое сердце билось быстрее: ведь вот он, результат моего труда.

Наверняка и в этом мире существует немало целебных трав и я смогу продолжить заниматься любимым делом. И я сфокусировалась на дальнем углу, в котором теснились несколько горшков с диковинными растениями.

Их сердцевидные бордовые листья тянулись к земле, а из пазух на длинных цветоножках свисали ни на что не похожие зеленые соцветия. К гадалке не ходи, это из-за них моя голова только что чуть не пошла кругом.

Это целебные растения? Или декоративные? Если бы эта яркая травка была бесполезна, тогда зачем держать ее в подвале и тратить деньги на освещение...

Недоброе предчувствие сжало грудь, противный ком подкатил к горлу.

Лампочка, болтавшаяся на жирном, с широкой шляпкой гвозде, освещала каждый закуток, но все равно подвал вы-

глядел мрачно. И дело было не в низком своде и не в кирпичных стенах, и даже цементный пол был ни при чем.

Дело было в другом. Пока я тут продолжала валяться кулем, что-то изменилось. Сладкий цветочный аромат исчез, и ноздри теперь покалывал запах хвои. Воздух стал густым, он с трудом проникал в легкие, и кислорода мне перестало хватать.

Быстрый взгляд по сторонам вогнал меня в оторопь.

Сквозь кирпичные стены и деревянный свод в подвал просачивались темные щупальца неведомой субстанции, постепенно растворяясь в теплом медовом свете.

Одно из щупалец обвило патрон с лампочкой, словно змея, и направилось в мою сторону. Несколько секунд, и оно оказалось совсем близко. Недолго думая, я взмахнула рукой, но вторженец никак не отреагировал на движение воздуха. Он лизнул пальцы и пополз вверх к плечу.

В оцепенении я смотрела на желеобразный студень, охлаждающий руку, и не понимала, что мне делать. Уже пора кричать караул или ничего из ряда вон выходящего не происходит?

Над ухом снова раздалось пронзительное жужжание. Я и глазом моргнуть не успела, как приставучая пчелка, суматошно намотав вокруг меня несколько кругов, спикировала в темную субстанцию. И, балансируя как канатоходец, зависла на ее крае.

«Куда ты лезешь», — едва не зарычала я и тряхнула ру-

кой.

Студень всколыхнулся, лизнул прозрачные крылышки, и насекомое стало в нем тонуть, как в водовороте. А через секунду тьма, заполнившая подвал, развеялась без следа.

Я несколько раз моргнула, но пугающие черные щупальца растворились в воздухе, словно их и не было.

Чудеса, да и только!

Вверху опять загрохотало, и на меня снова посыпалась пыль, а люк над головой стал стремительно уменьшаться.

Незнакомцу, наконец, надоело завывать и он решил замуровать меня здесь?

Я неловко встала, дотянулась до свитка и, не теряя времени, ухватила за несущую часть лестницы. А потом тряхнула ею изо всех сил.

От резкого движения плечо прострелило так сильно, что из глаз посыпались искры, а в голове загудело. Миг спустя через шум в ушах пробились трехэтажные ругательства, усиленные топотом ног.

«Ну вот, разозлила...» — мелькнула трусливая мысль. Но я ее сразу же прогнала прочь. Мне сейчас не до сантиментов. И, ухватившись за перекладину, полезла вверх.

Стоило выбраться в комнату, и мой взгляд прилип к бороде хозяина дома: нестриженная, не выдавшая расчески, она вся пошла колтунами и могла оказаться жилищем полчища насекомых. С его прической дела обстояли не лучше: ни воды, ни парикмахера длинные космы, сбившиеся в дреды,

не видели много месяцев, если не лет. Отдельные их пакли терялись за драным засаленным воротником безразмерной подпоясанной рубахи.

Впечатлившись неопрятностью своего визави, я не сразу рассмотрела пожелтевшую, испещренную морщинами кожу и сверкающие маниакальным блеском голубые глаза.

— У-у-у, явилась, на мою голову, дура! — от несвежего дыхания незнакомца я едва не оступилась. — А ну проваливай!

И он пружинящей походкой, никак не сочетавшейся с его старческим обликом, направился в сторону внушительных размеров белой двери. Которая, едва он коснулся ручки, открылась со звонким щелчком.

«В заложниках меня здесь держать не планируют». — Мое сердце чуть успокоилось, и я принялась осматриваться.

Я стояла в центре гостиной. Под ногами был добротный деревянный пол, покрытый красной масляной краской. Над головой в черном патроне на кривом проводе висела засиженная мухами лампочка. Такая же, как в подвале, но меньшей мощности. Всего сотка. Два больших окна выходили на забор, по которому лениво шагала кошка. Часть внутренней стены гостиной занимал белый бок печи.

«Здесь, наверное, уютно зимой», — втянула я в себя настоящий деревенский воздух с примесью дыма и нотками чего-то знакомого.

Две двери слева вели в другие комнаты. А в дальнем уг-

лу, за аркой с замызганной занавеской, угадывалась кухня. Я подняла голову вверх и удивилась высоте потолков: больше трех метров. Ничего себе!

Даже густые слои паутины, оплетавшие каждый свободный клочок потолка, не могли развеять странное состояние, накрывшее меня с головой. Словно мне десять лет и я приехала погостить к деду с бабушкой в глухую деревню. И я почувствовала, что уголки моих губ приподнимаются.

Но я покосилась по сторонам еще раз, и улыбка сползла с лица, как если бы я попробовала лимон без единой крошки сахара: в каждом из четырех углов гостиной стояло по большому тазу с водой.

С изумлением я уставилась на ближайший, явно алюминиевый. А потом на косматого мужика, застывшего у двери.

— Ритуал проводил, — оскалился он кривыми желтыми зубами. — Душонку твою поганую изгонял.

— Сочувствую, — сморщилась я от усиливающегося неприятного запаха.

— Считаю до трех... — Зрачки его недобро сузились.

— А потом что?

— Кочергой огрею, — произнес он таким будничным тоном, что я сразу поверила.

Ушибы ныли, от подвального воздуха в голове стоял туман. Только кочерги мне сейчас и не хватает!

Я глянула на залитый солнцем двор, зябко поежилась и уняла любопытство: нечего мне здесь высматривать. Лучше

поспешить согреться, пока пневмонию не подхватила.

— Мне и в самом деле пора, — вздохнула я. И, стараясь выглядеть уверенной в себе особой, распрямила спину, подняла голову повыше и захромала к выходу.

А в руке продолжала крепко сжимать свиток.

Но когда я прошла мимо застывшего истуканом бородача, мое тело само собой напряглось, как будто раньше я уже ловила от него тумаки. А от запаха помойки, — вот что это был за знакомый аромат! — которым благоухал незнакомец, на миг закружилась голова.

Что ж, ясно-понятно, это в книжках попаданки все в дворцы да в замки попадают, а я угодила в лачугу к тронутому бомжаре. И, поддаваясь легкой истерике, я простужено расхохоталась.

Глава 2

Солнце светило ярко и, казалось, щедро согревало двор. Сорняки под его теплом дружно окружали крыльцо стеной и пробивались по всему участку. Яблони и груши, выпустив маленькие изумрудные листочки с упругими бутонами, уверенно готовились к цветению. Хватало тепла и кошке, которая лежала, вытянувшись на крыльце, и подставляла лучам свой песчаного цвета бок и мордочку. Вот только меня солнце совсем не грело.

Я обняла себя за плечи, но собственные руки-ледышки тепла не добавили. Застегнула на все пуговицы колючую шерстяную кофту, но и она оказалась слабым препятствием для студеного северного ветра.

Пожалуй, в такой одежде пневмония мне гарантирована. Хочешь не хочешь, надо возвращаться.

Еще находясь в доме, я обратила внимание, что около двери на вешалке болталось несколько темных засаленных фуфаяк и яркое, цвета сочной весенней травы пальто. Оно казалось для этого дома чужеродным, слишком чистым. Я даже, выходя, чуть не захватила его с собой — не иначе как по старой привычке, присущей прежней хозяйке тела.

«Надо было довериться инстинкту», — вздохнула я и, прикусив губу, переступила порог негостеприимного дома.

В сених пахло пижмой, валерианой и зверобоем. От лю-

бимых травяных запахов в груди защемило, но я не позволила себе предаться унынию по прежней жизни. Добавила решимости в походку и направилась к той самой белой двери, из которой вышла пять минут назад. Дернула ручку и, ожидая поток ругательств, а то и обещанной кочерги, влетела в гостиную. Не глядя по сторонам, метнулась к вешалке, схватила пальто и торопливо его надела.

И, не мешкая, пока не попала на глаза хозяину дома, вернулась во двор. Сильнее сжала свиток, который все еще держала в руке, и довольно улыбнулась растекающемуся в груди теплу. А еще тому, что память тела не подвела. Сидело на мне пальто идеально.

Подушечками пальцев я провела по его чуть заметным продольным швам, отметила идеальные выточки на груди, коснулась острого уголка воротника. Портниху с таким мастерским кроем даже в моем мире поискать надо. И обошлось бы мне это пальто в круглую сумму. А здесь оно и во все стоит как крыло самолета.

Откуда у девицы из подвала такие деньги?

На душе стало тревожно. Конечно, если надо, я умею себя успокоить. И убедить, что все хорошо, даже когда на меня надвигается цунами, я тоже умею. Но сейчас разумнее будет посмотреть правде в глаза: я умерла и попала в новый мир, в котором меня обозвали поганкой и выгнали из дома. И вишенкой на торте мое дорогушее дизайнерское пальто.

Кто я такая? Где в этом мире мой настоящий дом?

Я коснулась фигурных накладных карманов, служивших не по прямому назначению, а элементом декора. Легонько крутанулась на месте, оценивая форму обновки: трапеция. Сомнений быть не может — в провинции так не шьют.

Тогда почему я сбежала от сытой жизни в столице в лачугу к полоумному старику, который грозитя кочергой?

Недоброе предчувствие вязким комом подкатило к горлу. Я с трудом проглотила густую слюну и глубоко вдохнула. Пожалуй, вместо того чтобы поддаваться панике, лучше пройтись по округе и собраться с мыслями. Тем более голова на воздухе посвежела и мысли стали шустрыми и в меру ясными.

В задумчивости я прошла по тропинке за угол дома. Поддела ободранным носком туфли камешек и, пытаясь прогнать остатки беспокойства, принялась.

Остро пахло влажной землей и дымом.

«Бородачу вместо проведения ритуала с водой следовало печку протопить, всяко больше пользы было бы», — фыркнула я, но развить мысль не успела.

За спиной оглушительно хлопнуло, а по ноге растеклась боль. Охнув, я подскочила на месте и развернулась так резко, что подол пальто наполнился воздухом. Если бы не новая проблема, я бы еще раз восхитилась безупречным кроем своей обновки. Вместо этого я вытаращилась на вытянутые в мою сторону длинные белые шеи с широкими желтыми клювами и черными бусинками глаз.

Гуси!

Заводила, белоснежный упитанный гусак, переваливаясь с лапки на лапку, покачивался на месте и с настойчивостью маньяка настырно тянул клюв к моей ноге. Для пущего устрашения он дергал коротким хвостиком и угрожающе щипел. Эти маневры повторяла за ним вся пернатая свита.

Отскочив на несколько метров, я замахала руками.

— Кыш! Кыш!

Но гуси и не подумали отступить. Они надрывно загоготали и, синхронно пошатываясь, направились в мою сторону.

Пока это только предупреждение, чтобы я покинула их территорию — и отсюда меня прогоняют! — но если стая пойдет в атаку, то легким щипком я не отделаюсь.

Конечно, можно будет схватить нахального гусака за шею и показать ему кузькину мать. Но птичку жалко — да и не факт, что я справлюсь с разъяренным пернатым, — и я, не сводя глаз с боевой компании, попятилась вглубь участка.

И только скрывшись за кустами сирени, я спохватилась, что ушибленное плечо и бедро перестали болеть. Вот что значит невиданная сила шокового состояния. Плохо только, что до него меня довели обыкновенные гуси.

Запах дыма усиливался. Он пробрался в легкие, защищал в глазах, да так сильно, что по щекам покатились слезы. Пернатые разбойники тихо гоготали, но преследовать меня не спешили. И я, смахнув слезинки — они ведь из-за дыма? —

переключила внимание на округу.

Кислые нотки дыма, осевшие в легких вместе с воздухом, вернули мне концентрацию. От торфа и угля пахнет иначе.

Чем здесь топят печи?

Усиленно принюхиваясь, я отошла от сирени на несколько шагов, и загадка странного запаха раскрылась. В десяти метрах от дома голосистого старика дымилось пепелище. А тропинку, на которой я стояла, припорошило серой золой.

Неторопливо я обошла пожарище и попыталась оценить его размер. Тридцать пять шагов вдоль и пятнадцать поперек. Сгорел большой дом. Его обожженный хребет торчал из-под приплюснутой горки земли и все еще продолжал медленно тлеть.

Что-то было не так.

Я сошла с тропинки и склонилась над отметинами на земле. Длинные следы с едва различимым геометрическим рисунком заставили сердце на секунду остановиться.

«По крайней мере, в этом мире есть машины», — заключила я и удовлетворенно разогнулась. Заметно было, впрочем, и то, что они другие. Определенно, местные любят, чтобы колеса и расстояние между ними было пошире. И довольствуются смазанным, не собирающимся ни в какой узор, рисунком на шинах.

А может, я просто попала в начало века, когда на дорогах только появились первые автомобили? Что, если двигатели здесь паровые, а ездят машины на угле и дровах? И со ско-

ростью 6 километров в час.

Так и не решив, радоваться или грустить по этому поводу, я снова вернула свое внимание пожарищу. И земле, насыпанной поверх черных головешек.

Видимо, пожарные не смогли полностью залить огонь водой, поэтому подогнали бульдозер и закатали еще не сгоревший остов дома в землю.

Солнце лизнуло щеку, и я принялась вертеть головой в поисках тени. Задрала подбородок повыше и едва сдержала дрожь, потому что обнаружила, что сгорел не только дом.

Огромное раскидистое дерево, которое, должно быть, недавно еще наполнялось энергией солнца и влагой земли, обнимало небо своими почерневшими ветвями, на которых не было ни листочка. И от коры остались лишь обугленные ошметки.

Подойти к его хребту, тянущемуся к солнцу и сияющему антрацитом, я не решилась. Рвать сердце, наблюдая, как улечивается жизнь из тысячелетнего исполина, сейчас было выше моих сил. Но, несмотря на доводы рассудка, дерево было жалко до слез.

Далекий протяжный сигнал разрезал пространство, заглушил горькие мысли. Я замерла на месте.

Не может быть!

Это же...

Это...

Гудок тепловоза!

Значит, в мир я попала цивилизованный и хватит терять время, надо идти к людям. И действовать по ситуации. В конце концов, девица я смелая или как?

Смахнув непрощенные слезы, решительным шагом я направилась к видневшейся в просвете между деревьями рыжей грунтовой дороге.

Отдаленно этот поселок напоминал медвежий уголок, в котором я проводила школьные каникулы. Желтые и зеленые бревенчатые домики с палисадником и колодцем у калитки. Почерневшие от времени деревянные столбы вдоль единственной улицы с провисающими проводами. Густая тимфеевка там, где должны быть тротуары, и могучие липы с березами возле каждой избы. И мутная лужа посреди дороги — ни пройти ни проехать — как признак прошедшего ливня.

— Ах ты лахудра!

Вопль раздался из ниоткуда. На миг он поглотил все звуки вокруг. Оглушенная, я замерла на полушаге и суматошно завертела головой.

— Я тебе сейчас покажу, как чужих мужей уводить!

На мои плечи обрушился смачный шлепок. От следующего, метящего в голову, я увернулась и получила противный удар по шее.

— Никого я не уводила, — прохрипела я себе под нос. И только потом разглядела пожилую женщину, которая коршуном кружила вокруг меня и с утробным визгом размахивала

вала тряпкой.

— Еще и отпирается! Вы только посмотрите на нее! — С удвоенной силой она принялась хлестать тряпкой.

Но я уже пришла в себя, и уходить от ударов разъяренной сельчанки получилось неожиданно легко.

— Не понимаю, о чем вы!

— Не понимает она! А как продать Шурочке приворотное зелье, небось понимала?

— Какой Шурочке?

— Такой же проходимке, как и ты! — вонючие брызги с тряпки попали в глаза, и слезы покатались по лицу. — Мой старый дурень забрал корову и лошадь и обживаете теперь с ней. А я ему всю молодость отдала. Все свои лучшие годы. Каждый день ему первое, второе и компот. И на работу к герцогу ссобойку собирала. Ни разу не ушел голодным. И что я получила в ответ?

— Стоп. К какому еще герцогу?

— К нашему. Ты тему не переводи. Я тебе сейчас покажу. К старосте отволоку, а он высшему друиду послание отправит.

Ее пальцы намертво вцепились в мои волосы, и тут до меня дошло, что грозит она всерьез.

— В тюрьме, шелудивая, околеешь. Друид у нас молодой, суровый, на расправу быстрый. Не забалуешь у него, как у старого.

Накручивая мои волосы на кулак, продолжая сыпать про-

клятиями и орудовать тряпкой, женщина двинулась в сторону лужи. Я мелкими шажками засемила следом, пообещав себе, что при первой же возможности постригусь покороче.

Надо сказать, холодный душ был бы сейчас в самый раз. А то голова пошла кругом и мне начало казаться, что я схожу с ума. Но на мутную дождевую жижу я не подписывалась.

Я дернулась, и сразу кожа на голове полыхнула болью. Причем такой сильной, как будто с меня уже снимают скальп.

Жаль, конечно, что предыдущая хозяйка этого тела набе-докурила и ее проблемы превратились в мои проблемы. Но ради возможности прожить жизнь заново я готова преодолеть все трудности! А раз мне предстоит знакомство с неведомым друидом, нечего быть покорной овечкой и надо поскорей высвободиться. Потому что пальто — единственная моя приличная вещь, в которой не стыдно предстать перед важной особой. В этом поселке я вряд ли найду кислородные отбеливатели, и коричневая грязь на сочном зеленом драпе смотреться будет весьма экстравагантно.

Подумала — и пекучая боль на голове утихла, хотя обманутая селянка с напором бульдозера продолжала двигаться к намеченной цели.

Уворачиваясь от тряпки, которая целилась мне прямо в лицо, я наклонила голову и коснулась носом ее засаленной куртки.

Одежда женщины пахла молоком.

Парным.

И немного картошкой.

Которую в печи варят.

В чугушке.

Вдруг мое тело само догадалось, что надо делать. Ноги погнулись в коленях, и я нырнула под руку пожилой воительницы. Неожиданно легко выскользнула из цепкого захвата и, оставляя в мозолистой руке нападавшей густой пучок темных волос, отскочила на несколько метров.

На расстоянии сельчанка выглядела иначе.

Пусть ее щеки заливал нездоровый гипертонический румянец, а седые волосы выбились из-под коричневого пухового платка, стало очевидно, что женщина еще в расцвете лет.

Снять бы платок, который ей прибавляет десятка два, привести в порядок загрубевшую от солнца кожу и убрать нездоровую полноту... И никакое приворотное зелье Шурочке бы не помогло!

Она даже не попыталась догнать меня. Лишь, как будто опомнившись, замерла посреди дороги и с укоризной перехватила мой взгляд, отчего в мое сердце впились острые шипы раскаяния.

«Я ни в чем не виновата!» — прошептала я про себя.

«Как бы не так», — наотмашь резанула в ответ совесть.

Сельчанка продолжала ошарашенно озираться. Ее рот беззвучно открывался и закрывался, а руки заходились в дрожь. Я мазнула взглядом по уголкам ее губ, по-старушечьи

опущенным вниз, и, не чувствуя под собой ног, попятилась во двор, из которого несколько минут назад с воодушевлением вышла «в люди».

Опомнилась я, когда под ногами закрипели головешки, а в сжатом кулаке захрустела бумага.

Обойдя по широкой дуге черную оспину пожарища, я не спеша осмотрелась. Ни души. Подошла к раскидистой яблоне, поднырнула под свисающие до земли ветви и прислонилась к ее шероховатому стволу.

Молодые листочки с бутонами не только не пропускали яркие солнечные лучи, но и укрывали меня от любопытных глаз. Отличное место чтобы перевести дыхание и собраться с мыслями. А заодно посмотреть, что же за писульку швырнул в меня голосистый оборванец.

И, распутав ворсистую бечевку, развернула свиток.

На плотной пожелтевшей бумаге чернело несколько строк, выведенных кириллицей. Но явно не современной: в глаза бросились странные закорючки.

«Ять, пси и ижица?» — я скорее догадалась, чем узнала старорусские буквы в этих каракулях.

Но больше, чем несколько незнакомых символов, напрягло меня кое-что другое. Росчерк и неравномерная толщина линий вызвали опасение, что, хоть поезда уже соединяют города и веси, шариковую ручку прогресс в этом мире еще не изобрел. От мысли, что мне придется писать гусиными перьями да чернильницу с собой таскать, по шее пошел холо-

док.

«Хоть бы моим знаниям нашлось применение», — стряхивая растерянность, дернула я плечом и принялась читать нацарапанные нетвердой рукой и оттого тонкие, местами едва заметные строки.

«Я, Олимпий Ладиславович Гатальский, находясь в здравом уме и трезвой памяти, наказываю!

Хозяйский дом, сельевую лавку со всеми принадлежностями и хозяйственные пристройки отдать в единоличное владение внучке моей Анастасии Гатальской.

Сыну моему Игнату отписываю любимого им Рябчика.

Дочери моей Купаве я шлю проклятья за то, что ушла на свой хлеб и глаза мои ее больше не видели. И десять золотых в старейшем банке герцогства.

Условие для Анастасии. Вступить в наследство моя внучка сможет в единственном и неоспоримом случае: только когда признает право моего сына Игната жить в наследуемом доме до самой его кончины.

В противном случае все мое имущество переходит к наисветлейшему нашему достопочтенному друиду Зиновию и его ученику Элиану, которые по достоинству оценят мой щедрый дар».

Завершала документ слабая подпись и жирная печать.

Сгоревшие пристройки, запущенная изба и лавка — это и есть щедрый дар, который все эти светлые господа смогут оценить по достоинству? Я скептически поджала губы и пе-

речитала послание.

— Значит, опять я Анастасия, — пробормотала я вслух и покатила имя на языке. — Настя, Настасья, Тася. Или Настена, как любил называть меня Жека...

Четыре буквы имени мужа словно ледяными пальцами сжали горло, отчего я принялась хватать ртом воздух. Навязание не уходило. Оно навязчиво пульсировало черными всполохами, поднимая один и тот же вопрос. Жека, почему?

«Так было надо, Настен», — прозвучало почти как наяву, и я то ли от порыва студеного ветра, то ли от возникшего в голове некогда родного голоса вздрогнула. И как неудержимая, принялась перебирать имена. Лишь бы занять мысли, чтобы в них опять не пробрался он.

Настасья, Наста, Настуся, Туся...

Все не то. Все эти имена не про меня. А что, если...

Ася! Ну конечно, Ася! А в переводе с греческого — «возрожденная».

А сбрендивший горлопан с тазами воды, значит, Игнат. И мне его выгонять нельзя.

Не очень-то и хотелось, передернула я плечами. Я бы сама с радостью сбежала отсюда поскорее, но куда мне идти?

Лучше не поддаваться эмоциям, побольше узнать о мире и о новой себе. А потом начинать все сначала.

И денег накопить. Без них новая жизнь обречена на провал. Вряд ли здесь можно оформить пособие по безработице или, на худой конец, по попаданству.

Солнечный луч пробился через зелень листвы и подсвечивал еще одно имя на желтой бумаге. Рябчик. Интересно, кто это такой достался Игнату?

Понятно, что эта часть наследства не моя, но мне хотелось быть готовой к любым и особенно к неприятным сюрпризам.

Я еще немного постояла, прислонившись к прохладной коре яблони, потом скрутила свиток в трубочку и перевязала его бечевкой. Засунула поглубже в карман и, собирая волю в кулак — даже смотреть на бородача у меня не было никаких сил, — закрыла глаза.

С каких пор я стала такая пугливая? Ведь последние три года своей юности я провела в интернате для сирот. Там быстро из домашней девочки-ромашки превратилась в колючую, способную постоять за себя акацию.

Тогда почему от одной мысли, что мне придется жить в одном доме с Игнатом, скулы сводит? Он ведь мне не чужой: дядя, выходит. А Купава, значит, моя мать? Кстати, где она? Она сможет почуять подмену и догадаться, что ее дочери больше нет?

— Рябчик, Рябчик, Рябчик, — голос, нарушивший тишину, заставил открыть глаза и сосредоточиться на легком топоте и глухом хлопанье.

Через минуту победное «кукареку» пронзило пространство. И только навалившаяся в этот момент смертельная усталость спасла меня от приступа смеха.

Глава 3

Сохраняя бесстрастное выражение лица, я вышла из своего укрытия, и сразу мой взгляд приклеился к огненно-рыжему петуху, упитанному сверх меры. Он шустро собирал румяные крошки под ногами Игната и задорным «ко-ко-ко» подзывал курочек из своего гарема. Его ярко-красная шишка кренилась на бок и тряслась в такт движению клюва, а длинные, отливающие зеленым перья хвоста трепетали на ветру.

Мне сразу вспомнился наш с дедом белый безымянный петушок, который точно так же призывал своих курочек на вкуснятину. Только, в отличие от Рябчика, сам он к лакомству не притрагивался — все до последней крошки раздавал своим любимкам. И сколько его бабушка ни пыталась откормить, ничего у нее не получалось.

— Ты? А ну... — новообретенный дядюшка вытаращился на меня, словно увидел привидение. — Проваливай.

— Надоело. Смени пластинку.

От усталости хотелось свалиться прямо на траву и уснуть. Только нельзя мне сейчас спать. Я вдохнула кисловатый дым и чуть поморщилась. Как бы Игнат последний наш с ним дом не спалил, пока я буду отсыпаться после всех потрясений. Поэтому перво-наперво мы с ним поговорим.

Интуиция подсказывала, что как я себя сейчас поставлю,

так моя жизнь в этом доме и пойдет. Поэтому я решила время на светские реверансы не тратить и извлекла на свет домовские замашки. Неприятно, но неуправляемый выпивоха — вполне повод прибегнуть к тяжелой артиллерии.

— Чего сменить? — собеседник замер на месте, и только сведенные к переносице брови выдавали его обескураженность.

— Заладил одно и то же, говорю. Хватит. Никуда я не уйду. Этот дом мой и лавка моя. — Я вытащила из кармана изрядно помятый свиток и потрясла им в руке. — Ты это прекрасно знаешь. Если не нравится, сам проваливай.

— Ах ты крохоборка поганая! — взвыл оборванец на улице, и я опять засомневалась в его возрасте. Пусть голос хриплый и надрывный, но стариковским он не казался. — Всего тебе мало!

— Угу, крохоборка, — с мрачной миной подтвердила я и засунула руки в карманы. — Дальше что?

— Изгоню твою душонку, вот увидишь, изгоню!

Позабыв о Рябчике, все еще суетившемся теперь уже с тремя рыжими курочками у его ног, бородач сделал несколько шагов в мою сторону.

— Изгоняй сколько влезет, но... — Прокуренное дыхание, смешанное с запахом давно не чищенных зубов и пропотевшей одежды, заставило меня поморщиться, и произнесла я не то, что собиралась. — Жить отныне будешь по моим правилам, понял?

— У-у-у, девка бесовская свалилась на мою голову, — снова взвыл оборванец. — Чем я Светлому Хранителю Леса не угодил? Чем прогневил его?

— Кому не угодил?

— Ничего святого в тебе не осталось, приبلудная, — с выражением безграничной досады махнул он рукой. — Светлый Хранитель нас покинул не навсегда, слышишь? Когда Лес оживет, он вернется и тогда — берегись!

— Непременно. А пока твой Хранитель тебя не слышит, будешь делать то, что я скажу.

Недоброе выражение осунувшегося лица не убедило, что понял меня Игнат правильно. Для надежности надо чем-то его запугать — ведь выпивохи признают только силу — тогда, возможно, мы поладим.

— Не будешь слушаться, темные силы призову. Они оплетут тебя по рукам и ногам черными студенистыми щупальцами и утащат к себе.

Произнесла я тихо и успела подумать, что теперь он точно примет меня за сумасшедшую. Ну и ладно. Лишь бы подчинился.

— Мало тебе, окаянная, всех несчастий, которые свалились на наш род? Пощади... — пронзительно взвыл мой дядюшка и поднял обе руки со сжатыми кулаками над головой.

Его слипшиеся космы выскользнули из-под воротника рубахи и змеиными хвостами скользнули на плечи. Борода тоже выпрямилась и оказалась еще длиннее, чем я думала:

некоторые ее ключья доставали до живота. Сам же родственничек, казалось, вот-вот рухнет на колени.

Испугался пустой угрозы? Ну ничего себе! Мои брови взлетели вверх. И, с трудом сохраняя невозмутимость, я озвучила первое требование.

— Будет тебе пощада на сегодня. Но только если ты сметишь одежду и сходишь в баню.

— У-у-у, горе мне, горе, — опустил руки и вцепился в свисающую паклями бороду оборванец. — Где мне, по-твоему, одежду взять?

— В шкафу?

— Святой Хранитель Леса, — опять завывание родственничка всколыхнуло пространство. — Чем я тебя прогневил?

— То есть другой одежды нет?

В ответ бородач затряс головой.

— Ничего нет, Светлым Лесом клянусь, — угодливо закивал он и сложил руки на груди.

— Хорошо, в баню завтра пойдешь, — кивнула я и принялась соображать, где можно раздобыть рубаху со штанами. Новая не нужна. Главное, чтобы чистая и без дыр.

— Бани, если ты, дорогая племянница, забыла, у нас уже нет, — несмело пробурчал он себе под нос.

— Нет бани, и что, теперь грязным ходить и вонять на всю округу?

Может, не все соседи меня в штыки принимают и удастся договориться о помывке? Эх, были бы деньги... Но, судя по

облику дома и его бывшего хозяина, здесь и медного гроши-
ка не сыскать.

Глава 4

«Карман — крайне ненадежное место для столь ценной бумаги», — подумала я и повертела свиток в руках. Ведь ничего, кроме захудалого наследства, в этом мире у меня нет. А если что-то и сохранилось с тех времен, когда настоящая Анастасия покупала модное пальто, то я об этом ничего не знаю и вряд ли узнаю.

Да и не нужны мне ее заначки! Я здесь всего час как обживаюсь, и чем больше узнаю, тем меньше мне нравится эта самая Анастасия. Лучше я сама найду способ, как честно денег заработать. Руки есть, голова на месте, работать готова от зари до зари.

Неужели я пропаду? И, пообещав себе поскорее найти для документа более надежное хранилище, я все-таки сунула хрупкую трубочку обратно в карман.

Солнце на небосводе сияло еще высоко, но дел, которые предстояло успеть сделать до наступления темноты, было много. Не глядя на хмурую физиономию моего новообретенного родственника, я вышла в сени. Очутившись в облаке знакомых ароматов, я прошла напрямик к темному чулану, который, как я подозревала, и был их источником.

Распахнула настежь дверь, и дневной свет, разрезая темноту, хлынул на стену передо мной. И я загляделась на крепкие вязанки трав, развешанные на каждом ее свободном пя-

тачке.

Обнаружился здесь и зверобой с мелкими листочками и желтыми цветками. И прутики шалфея, и соцветия-корзинки ромашки. И листья мать-и-мачехи. Я не удержалась и провела ладонью сначала по ярко-зеленой стороне листочка, а потом по ее белесой «изнанке». Даже сухой, лист оправдывал свое название: вверху холодный и теплый внизу.

Неторопливо я прошла вдоль запасов Олимпия Ладиславовича, и с каждым шагом мое настроение улучшалось. Покойный зельевар дело свое знал и собирал только целебные травы. Если меня одолеет депрессия, или подхвачу бронхит, или навалится еще какая-нибудь напасть, будет чем лечиться.

И пчелки не привиделись же мне под полом?

Сейчас весна — значит, самое время сделать улей. Чтобы, когда молодая пчелиная семья отделится от остального роя и станет искать себе новый дом, мне было что ей предложить.

Тогда у нас с Игнатом будет мед и на случай простуды, и просто к чаю.

И не только мед! Прополис и пчелиный яд... И пчелиные соты для воска.

Размечталась я так сильно, что не только прошла усталость — я даже почувствовала прилив сил. Но время не ждет, и я заставила себя перестать витать в облаках и переключиться на то, что есть здесь и сейчас, — на прекрасный чулан с целебными травами. И я продолжила исследовать его

содержимое.

По мою правую руку к бревенчатой стене крепился широкий стеллаж с множеством склянок. Я наугад взяла одну из них и, оставляя след на толстом слое пыли, провела ладонью по притертой крышке.

На миг у меня появилось чувство, что я попала в старинную аптеку. И что сейчас из теней в углу покажется строгий седовласый провизор и поинтересуется, что меня беспокоит.

Я стряхнула наваждение, открыла пузатенькую склянку из темного стекла, и меня едва не закружило в аромате корневища валерианы.

Вот бы найти здесь что-нибудь для бани... Подумала и сразу шикнула на себя. Нечего и надеяться малой кровью решить проблему с помывкой Игната.

Но все равно глаза уже не бесцельно скользили по обнаруженному богатству, а пристально всматривались в этикетки на каждой склянке. Я даже на цыпочки привстала, чтобы ничего не пропустить на верхней полке.

Когда латинские буквы на этикетке сложились в искомое название, я едва не потянулась к глазам, чтобы их протереть. Быть не может! Торопливо сняла с полки склянку и открыла крышку. Ноздри царапнул аромат, напоминающий жасмин. Я вытряхнула на ладонь кусочек корневища и, смочив пальцы слюной, потерла его в руке.

Аромат усилился, а на пальцах ощутилось мыльное скольжение.

Мыльнянка лекарственная, богатая сапонинами. И сейчас они мылятся на моей ладони. Победно улыбнувшись, я обхватила двумя руками тяжелую, до верха заполненную сырым склянку.

Сейчас на глаз насыплю сто граммов корневищ — хорошо, что запас их большой, — проварю в двух литрах воды — и гель для душа, он же шампунь и жидкое мыло в одном флаконе, готов.

Вышла в сени и обнаружила лохань, стоящую в углу, под маршевой лестницей. Отлично! Будет запасным вариантом на случай отсутствия бани. И, еще больше повеселев, я вошла в гостиную.

За аркой справа, как я и подозревала, размещалась кухня. Большую ее часть занимала печь. У окна расположился двухстворчатый шкафчик, служивший одновременно столом. На стене висела подставка с рядом глиняных тарелок. Я взяла одну из них и провела подушечками пальцев по неровной темно-коричневой поверхности с выдавленным на ней примитивным рисунком — цветком с пятью лепестками. Осторожно поставила тарелку на место и принялась искать то, за чем явилась.

Одна дверца стола-шкафчика была приоткрыта. Я заглянула внутрь и среди утвари, обсыпанной пылью и паутиной, заметила кастрюлю. Теперь осталось найти, на чем сварить мое зелье, и дело в шляпе!

Привычной мне газовой или электрической плиты пред-

сказуемо не было. В правом углу кухни прислонился к стене стеклянный куб непонятного назначения. А между ним и столом стояла табуретка, на которой теснился небольшой металлический ящичек с конфоркой и бачком.

«Керогаз», — опознала я его с первого взгляда. Тоже неплохо! И я поставила прибор на пол к стенке.

Добыв колодезной воды, я руками — больше так не буду, честно! — раскрошила корневище мыльнянки в алюминиевую миску. И только потом опомнилась, что свое яркое зеленое пальто я так и не сняла.

Пожалуй, надо найти менее маркую повседневную одежду. А нарядную обновку следует приберечь для встречи с друидом.

Почему-то при одном только упоминании этого мужчины мое сердце сжималось, а под кожей растекались ледяные ручейки страха. Сомнений быть не может: Анастасия его боялась. Но отныне я — не она и все ее страхи меня не касаются.

Приободрив себя таким образом, я высыпала в кастрюлю корневища мыльнянки и залила их водой. И только теперь опомнилась, что не проверила самое главное: есть ли в керогазе топливо. Я приоткрыла бачок, и мгновенно меня окутали особенно густые пары керосина, которым благоухал этот старый гаджет.

Я чуть наклонила агрегат, и поверхность горячего засветилась маслянистыми разводами. Опустила крышку, плотно закрывая бачок, и спичками, которые лежали здесь же в ос-

новании керогаза, зажгла огонь. И стала дожидаться кипения, чтобы убавить пламя.

Глухие шаги в гостиной заставили насторожиться. Пусть теперь я знала слабое место Игната, но все равно лучше быть начеку.

— Почему, окаянная, тебе в городе не жилось? — вывело меня из задумчивости угрожающее рычание дядюшки. Он прошел вглубь кухни и остановился напротив меня, сидящей на корточках около керогаза.

Ответить мне было нечего, и я молча пожала плечами.

— Что у нас с керосином? В бачке его на дне, — перехватила я инициативу и перевела разговор на более безопасную тему. — И этот стеклянный ящик в углу не слишком ли много места занимает?

— Стеклянный ящик, как ты выразилась... — настороженно произнес дядюшка. — Это самое ценное, что осталось в этом доме. Ясно тебе?

Определенно, я сглупила и спросила не о том. Но слово не воробей, и теперь мне оставалось лишь наблюдать, как щеки Игната заливают алой краской, а его глаза озаряются той самой безуминкой, которую я видела час назад.

— Совсем душой стала в своих столицах!

Я никак не прокомментировала это заявление. Лишь продолжила поглядывать то на Игната, то на кастрюлю.

— Магия покинула наш дом и поселок, — отчеканил он подрагивающим голосом. — Я каждый восход и каждый за-

кат молюсь Святому Хранителю Леса, чтобы он простил тебя, дуру.

— Ничего не понимаю... — потрянула я головой, прогоняя недоброе предчувствие. — За что меня прощать?

— Ты, видать, хорошо головой в подвале приложились, — издевательски процедил Игнат. — Это по твоей милости мы электричеством да керосином перебиваемся.

— Я ничего не делала, — мотнула я головой.

— Да что ты говоришь? Еще скажи, что это не ты, поганка неприкаянная, мне с полчаса назад тьмой угрожала!

И он, словно призывая в свидетели высшие силы, взмахнул руками.

Глава 5

Игнат потоптался немного на кухне и с пробирающим до глубины души вздохом вышел в гостиную. А я с тяжестью на сердце продолжила варить мыльнянку. Потом отключила пламя, сняла кастрюлю с конфорки и поставила ее остывать в угол.

— День добрый! — Дверь со щелчком отворилась, и в гостиную несмело заглянула сухонькая женщина средних лет. — Есть тут кто живой?

Звонкое приветствие коротким эхом разлетелось по гостиной, отчего пустота и заброшенность дома ощутились особенно остро.

— Здравствуйте, — ответила я неожиданной гостье.

Хотя что значит неожиданной? Поселок — это не город. Здесь двери запирать не принято и соседи спокойно ходят друг к другу домой без предупреждения.

— Коровка моя, дурница, захворала. Я ее с зимы из хлева выпустила, а она как заскачет по двору, от радости-то. Как только ноги не переломала!

— Целые ноги — это хорошо, — подбодрила я сельчанку. — И что случилось потом?

— Бедовая она у меня. Шкуру на брюхе располосовала. Кровищи было, ой-ей-ей.

И, выражая всем своим видом нерешительность, женщина

замолчала.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Олимпий Ладиславович воду давал особую. Я той водой корову напоила, и не кровила она больше. Может, осталась еще та́я вода?

Надежда, прозвучавшая в ее голосе не оставила бы равнодушным даже циника. Что уж про меня говорить. Тем более я уже успела сообразить, о какой воде идет речь. Но соглашаться не спешила.

— Сколько лет вашей корове?

Как бы мне ни хотелось сделать первый шаг для налаживания отношений с односельчанами, но, если корова после лечения умрет от тромбоза, спасибо мне не скажут. И чем старше животинка, тем выше риск такой смерти.

— Молодая совсем, три года, — сельчанка поправила съехавшую на затылок косынку.

— Хорошо, я приготовлю для нее питье.

— Сколько грошей с меня?

— Нисколько, — покачала я головой и придала себе сокрушенный вид. — Мне нужны штаны и рубаха, можно старые, но чистые и целые. А я взамен вашу коровку буду весь этот год лечить.

— Добро! — кивнула она, и ее маленький подбородок заострился. Кажется, сделка оказалась выгодной для обеих сторон.

Мы вышли во двор. Дядюшка расхаживал вдоль забора.

Рубаха на его сутулой спине трепетала на ветру, а сам он нервно теребил бороду. Завидев нас, он выпрямился и с деловым видом продолжил рассматривать забор.

— Совсем Игнат опустилсся, — вздохнула сельчанка, когда тот скрылся за яблонями. — Я перестала ему денег занимать, так он к Шурочке повадился ходить. Батрачит на нее за выпивку. А я помню его молодым, красивым. Завидный жених был.

Она на минуту замолчала.

— У меня, как Кузьма помер, полный шкаф одежды остался. Приходи, выберешь, чего приглянется.

— Спасибо! — живо отозвалась я.

Мы прошли через калитку и остановились на поселковой дороге.

— Как мне найти ваш дом?

— А что его искать? Вон моя изба, — показала она на синий дом на другой стороне дороги. — Неужто забыла?

Покачав головой, соседка неторопливой походкой направилась через дорогу. А я поймала себя на мысли, что мне нравится этот неспешный уклад жизни, этот воздух и этот поселок.

Когда я шарилась по чулану, не обошла вниманием большой черный сундук, часть которого занимали разнообразные склянки. Этикетка хлористого кальция, мелькнувшая среди прочих залежей, всплыла в памяти как нельзя вове-

мя.

Не мешкая, я влетела в чулан, откинула крышку сундука и выудила из него большой пузырь с белым порошком. Заодно достала равноплечие весы с гирьками.

Я погрузилась в работу, и вскоре были готовы не только три литра питья для буренки, но и отвар ромашки.

Накинув на себя лоснящуюся от грязи и пота куртку Игната, я поспешила к соседке. Та открыла калитку и повела меня в сторону лужайки, на которой стояла понурая корова.

Мы подошли совсем близко, и в нос ударил зловонный запах. Все ее брюхо было в потеках крови, вокруг летали полчища мух.

Корова встрепелулась и повернула голову в нашу сторону. Меня сразу же затопил страх получить копытом в лицо или в грудь. Но она словно поняла, что пришла помощь, и без резких движений подпустила меня к себе, даже хвостом перестала хлестать.

Я смочила в отваре ромашки чистую тряпку и принялась промокать раненую шкуру животного. Пусть ромашка — слабое противовоспалительное, но и она лишней не будет.

— Ну что, Крошка, больше не будешь, как шальная, из хлева выскакивать? — соседка потрепала ее по шее.

Обработав раны, я обратилась к женщине, которая все еще поглаживала свою кормилицу:

— Давайте по пол-литра три раза в день. Можно в ведро с водой наливать, только следите, чтобы она все выпила.

— Знаю-знаю, — закивала она. — И что бы я без тебя делала.

Женщина подняла с травы трехлитровую банку.

— Достойная смена Олимпию Ладиславовичу растет. Так и знай, Настя, я, Матрена, вдова плотника Кузьмы, не верю слухам, и все тут.

— Каким слухам? — мгновенно напряглась я.

— Слухам... про злодея, что в себя темную магию впустил и открыл отсюда портал в Загорье... — замялась на секунду Матрена. — Будто это ты... Не верю! У людей язык без костей, вот они и болтают всякую ерунду.

— Ничего не понимаю, — я схватилась за голову. — Расскажите, что здесь происходит. Я уезжала и все пропустила.

— Полгода назад случилось большое горе. Лес наш любимый, древний магический... стал листья ронять и чахнуть на глазах. Потом магия в накопителях перестала наполняться. Мы от отчаяния и прошение герцогу отправляли, чтобы помог. Ну он магов своих прислал, а толку... Не смогли они нас выручить.

— Дядя говорил про керосин и электричество, — кивнула я.

— Какое там электричество. То есть оно, то нет его.

— Больше никак не пытались вернуть магию?

— Староста ездил к знакомому магу, и тот по секрету сказал, что в нашем селе открылся портал, ведущий в земли загорцев, темных магов. Он вытягивает светлую магию и

наполняет нашу низину темной. Его не закрыть. Нам даже предложили отселение, можешь себе такое представить?

— Почему вообще подумали на меня?

— Ни один род, кроме Гатальских, в этих землях магией не владеет. Мы люди простые, а кто зло совершил — маг одаренный. И места он эти знал. Сумел портал спрятать, чтобы его даже маги герцога не нашли.

Я только вздохнула, переваривая новую информацию.

— Настя, ты не переживай. На такое мало кто способен. При всем моем уважении к Олимпию Ладиславовичу... Гатальские — маги средней силы. Жаль, что люди меня не слышат. Никого они не слышат. Заладили, что это внучка Олимпия Ладиславовича сотворила, и все тут.

— Это не я...

— Конечно, не ты, девочка моя. Я же видела, как ты на Крошку смотрела. Глаза у тебя добрые, и сердце теплое, и боль ты чужую понимаешь. А у темных магов сердце мертвое.

Я машинально кивнула, а Матрена направилась к крыльцу.

— Идем, Настя, я отдам тебе вещи Кузьмы. Он у меня в один рост с твоим Игнатом был как раз.

— Зовите меня Асей, — предложила я и перехватила удивленный взгляд Матрены.

— Раньше ты бесилась, когда тебя так называли.

— Многое изменилось, — дернула я плечом и подняла

глаза к небу. — Я стала другой.

Глава 6

Гостиная Матрены встретила нас полумраком. Небольшая, с потрепанной бордовой шпалерой на стене, с двумя деревянными лавками и столом. В центре которого стояла вазочка с клубникой, одна пустая чашка да заварочный чайник.

— Вещи в дальней избе, — Матрена сняла галоши и прошла вглубь дома. — Идем.

Я тоже скинула туфли и направилась следом. Сырой пол охлаждал босые ноги, а в воздухе стоял тяжелый запах сырости. Оно и неудивительно: небольшие оконца в гостиной свет и тепло солнца пропускали неохотно.

Скрипнули дверцы полированного шкафа-купе. Соседка вытащила из его пыльного нутра большой тряпичный узел и положила на диван.

— Это рубахи, — развязывая хвостики покрывала и обнажая стопку одежды, вздохнула она.

А я обратила внимание на руки женщины: сухие, со вздувшимися почерневшими венами и синеватыми ногтями. Пожалуй, надо будет и для нее подобрать зелье из запасов Олимпия Ладиславовича.

Матрена, увлеченная занятием, взяла из стопки голубую с вышивкой рубаху и с нежностью в движениях принялась расправлять заломы на ткани.

— Эту я на городской ярмарке брала, — пробормотала она едва слышно.

Отложила в мою сторону и потянулась к следующей. Коричневой, с золотистой вышивкой.

— А эту у портного Гаврилы заказывала на именины, тридцать грошей отдала. Кузьма ее только по большим праздникам надевал.

Добавила к синей и потянулась к бежевой рубахе без вышивки.

— А эту Кузьме его сестра подарила. Ты не смотри, что сжелтела она. Теплая, на самые крепкие морозы будет.

Так перебирала она одну за другой рубахи, затем штаны. Вскоре возле меня лежала внушительная стопка вещей. Но обрадуется ли им Игнат, я не знала.

«Лишь бы помылся», — решила я в итоге и повертела головой.

Белые гардины на окнах, диван с тремя подушками и ажурной накидкой, лакированная этажерка с пузатой подушечкой, утыканной иглами... Я скользнула взглядом по углам, и все мои мышцы напряглись сами собой.

В дальнем углу стоял большой стеклянный куб. Такой же, как у Игната на кухне.

Я с шумом выдохнула, встала с дивана и подошла поближе. Провела ладонью по его краям, и мои брови взлетели вверх. Пластины стекла плавно перетекали одна в другую, и если касаться с закрытыми глазами, то не сразу поймешь,

где стык.

— Год назад бы мне кто сказал, что источник магии выйдет, а мы все помирать будем медленно... Следом за нашим лесом... — нарушила тишину соседка. — Я б подумала, что это шпион из Загорья смуту наводит.

Она распрямила большое домотканое покрывало. Сложила в его центр рубахи и штаны для Игната. Затем подхватила два хвоста покрывала и связала их узлом. Повторила со свободными хвостами, и перед ней оказался туго завязанный узел.

А я, все еще касаясь пальцами холодного стекла, попыталась осмыслить услышанное.

— Вы хотите сказать, что весь поселок умирает? И вы, и Шурочка, и... я?

— Да, девочка моя, тебе ли не знать. Ты лучше других силу леса чувствуешь. Все мы от леса зависим, магия его нас пропитала. Она потухнет, и нас не станет. Гатальские на пару лет только остальных переживут...

— Не может быть... Я ведь уезжала и прожила без нашего леса и его магии.

— С нательным-то накопителем можно уезжать хоть за тридевять земель, — печально посмотрела она на меня. — Ты почему его сняла? Я помню, он блищал у тебя на шее.

Матрена пристально посмотрела мне в глаза. Я видела в них отблеск слез и покорность своей судьбе.

— Ну, не будем тужить! — так и не дождавшись от меня

ни слова, неестественно бодрым тоном завершила свою реплику соседка.

Отдала мне узел и дала наказ:

— Пусть носит и ничего не думает. А ежели к Шурочке отнесет, то так и передай, я приду к ней и все свое заберу.

— Непременно передам! — бодро, в тон Матрене ответила я. — К Крошке я завтра загляну.

Домой шла я медленно. Тяжелый узел в руках тянул меня к земле. А рассказ Матрены и вовсе выбил почву из-под ног.

Встала, называется, в шесть утра, чтобы больше дел успеть сделать. Успела, что тут еще скажешь.

Сначала Жека, мой любимый муж, решил, что я ему больше не нужна, и избавился от меня, как от ненужного балласта. А что, открыл клинику на деньги от квартиры, которую мне государство как сироте дало, — и все, свободна, Настяна.

Как именно он со мной разделался, я пока не вспомнила.

Но что-то пошло не так, и я не умерла, а попала в тело девицы из странной семейки магов-зельеваров.

Деньги у девицы водились, одно пальтишко чего стоит. Но откуда они?

Мутной работенкой она не брезговала: вон Шурочке какой-то приворотное зелье продала. Но пальто за приворотное зелье не купишь. Значит, была у Насти более денежная работа.

Вопрос какая.

И черные студни-щупальца, что привиделись мне под полом, явно не к добру...

Мое сердце тревожно сжалось.

И это еще не все!

Как оказалось, в этом местечке много столетий рос особый магический лес. Сельчане собирали его магию в специальный накопитель и использовали в быту. И напивались от нее жизненными силами. В какой-то момент лес стал чахнуть, а магия исчезла.

Казалось бы, в чем проблема, если есть электричество? Чайник на магии заменить электрочайником, и делов-то. Но, как любил говорить Жека, дьявол прячется в деталях.

И детали таковы, что я умерла в одном мире и скоро начну умирать здесь. Чахнуть, как этот лес. А все потому, что тело, в которое я угодила, зависит от магии леса. Нет магии — нет жизни. Даже если я сама маг.

Определенно, не надо было мне вставать сегодня в шесть утра. И замуж за Жеку идти не надо было...

Я вошла во двор и громко окликнула дядю:

— Игнат, Матрена дала тебе одежду. Поэтому, будь добр, возьми лохань, нагрей воду и искупайся. А я пойду по округе похожу.

— А баня?

— Я не стала никого о ней просить. Стесняюсь, — решила сказать как есть. — Мыло в склянке на кухне, лохань под лестницей. Делай, что я сказала. Понял?

— Понял, окаянная твоя душонка, — пробубнил под нос родственник и загремел керогазом. — Только в лес не ходи, дай ему еще немного пожить.

Глава 7

В лес я как раз и собралась. Под тихий шелест листвы нервы успокаиваются сами собой и думается легче. А поразмышлять мне было над чем.

Несмотря на уверения Матрены, что Гатальские — маги средней силы, никаких отголосков магии в себе я не наблюдала. И особой энергии леса не чувствовала.

Может, Матрена все придумала?

Сообщать Игнату, что его наставление лишнее, смысла не было. Назвал бы он меня еще раз «поганкой», «окаянной» и другими ласковыми эпитетами приложил. Оно мне надо?

Поэтому я, ни говоря ни слова, прошла через калитку, специально погромче ею звякнула и направилась к ближайшей окраине поселка. Куда идти дальше, я не знала, но чувствовала, что лес раскинулся на юге.

От окраины меня отделяла всего одна изба, без украшательств на фасаде и палисадника под окном. Миновав ее, я обнаружила, что и забора у соседей нет: оградой участка служили вишневые и сливовые заросли.

Я уже собиралась сойти с тропы — лес виднелся сразу за большим лугом, через дорогу от поселка, — но громогласный окрик заставил замереть на месте и приготовиться к очередному потоку новостей про делишки Насти.

— Ах вы поганцы! Ах вы бездельники!

Пожилой низкорослый мужчина с размаху захлопнул дверцу неказистой машины и походкой разъяренного быка устремился к кустам.

— Ваш обед закончился два часа назад. А ну марш по рыдлёвкам, лоботрясы разэтакие!

Из вишневых кустов послышался шум и недовольное бурчание.

— Быстрее! Я вас ждать не буду. Сейчас герцогу отправлю донесение и уволю к ядреной матери.

— Да идем мы, идем, — реплики, произнесенные заплетающимся языком, утонули в шуршании веток. — Валерьяныч, не серчай, притомились мы.

— В теньке прилегли отдохнуть и задремали... — добавился бубнеж еще одного мужчины.

На миг воцарилась тишина, а потом еще более разъяренный голос Валерьяныча ударил по ушам:

— Притомились? Задремали? А это что такое?

В воздухе характерно звякнуло разбитое стекло, и сразу за ним последовал синхронный вздох работяг.

— Еще раз так отдохнете, уволю с волчьим билетом, — прорычал Валерьяныч. — Только Саню с Матвеем на силос вернул, так эти опять...

Три потрепанные, чуть покачивающиеся фигуры направились к похожему на комбайн агрегату, застывшему на краю поля. Валерьяныч, что-то бормоча себе под нос, запрыгнул в свою машинку-каракатицу, как успела я ее назвать из-за

широко расставленных колес, и, заполнив воздух сизым дымом, умчался прочь.

А мне оставалось только пересечь луг. Прохладный ветер забрался под куртку, коснулся кожи, и, только поежившись от холода, я опомнилась, что на мне одна из засаленных курток Игната. Причем грела эта куртка так себе. Возвращаться не хотелось, и я, сильнее запахнув полы, продолжила путь.

Перешла неожиданно выросший на пути мелиоративный канал, прошла десяток метров и вздрогнула от тишины, ударившей по ушам. Меня словно накрыли стеклянным колпаком, через который не проникало ни звука, ни дуновения ветерка.

Припорошенная листвой земля, редкие кустики трав и рассыпанные тут и там горсти семян. И деревья. Исполины с гладкими стволами, тянущиеся в небо.

«Вот ты, значит, какой, магический лес», — вырвалось у меня само собой.

Наклонилась и подняла лист: продолговатый, зеленый, с подсохшими краями и абсолютно сухим черешком. Подняла голову к небу, и безлистные кроны деревьев заставили задержать дыхание.

Матрена права, лес и в самом деле чахнет.

Но, может, это мышление у соседки магическое и магии, на самом деле, никакой нет? А есть заболоченная и закисленная почва...

Я коснулась прижатого к земле тонкого деревца. Припод-

няла его из-под засохшего валежника, чтобы оно смогло потянуться к солнцу, и отошла на пару шагов.

Пальцы кольнуло от холода, а по всей коже, вызывая щекотку, побежали электрические разряды. В оглушающей тишине по лесной подстилке поползли белесые языки тумана.

— Шли бы вы домой, Анастасия, — раздалось над моим ухом. От неожиданности я едва не подпрыгнула на месте и принялась суматошно озираться по сторонам.

Рядом никого не было. Только туман заполнил все зримое пространство и поднимался все выше, и теперь его молочно-белое полотно поглотило мои колени.

Но мне же не почудилось, здесь кто-то есть. Почему он прячется? Мое сердце хлупнуло в пятках. Сейчас для полного счастья мне только встречи с маньяком не хватает.

— Вы очень хорошая актриса, Анастасия, но я не верю, — снова раздался холодный бархатистый голос.

Теперь он звучал громче. И я рассмотрела перед собой очертания мужской фигуры, затемненной стволами деревьев. И почувствовала себя зайцем, которого загнали в ловушку.

— Чему не верите? — голос мой прозвучал совсем глухо. Мужчина подошел ближе, и оказалось, что ростом его природа не обделила. И шириной плеч. Окончательно оценить облик мешал плащ, свисающий с плеч, и накиннутый на голову капюшон.

— Не ходите в этот лес, Анастасия. Не принесет он вам

добра. Это мое последнее вам предупреждение.

Туман заструился вокруг незнакомца рваными хлопьями, и мне вдруг стало совсем зябко.

— Может, я не жду добра, а сама хочу помочь? — выдавила я из себя, стараясь не стучать зубами.

— Вы? — насмешливые нотки стальными иглами впились в мое сердце.

— Молодые деревца завалены сухим валежником — это по-вашему, правильно? Если лесник не выполняет свою работу, то...

— Издеваетесь?

— Нисколько.

— Лесу вы ничем помочь не можете. В ваших силах не мешать, — сказал и резко развернулся, продемонстрировав прямую спину, гордо поднятую голову и широкий уверенный шаг.

Минута, и силуэт скрылся в тумане.

А я обескураженно прикусила губу. Напрасно. Зубы стукнули от холода, и по подбородку потекла горячая капля крови.

Глава 8

Стоило незнакомцу исчезнуть в лесной чаще, как молочные хлопья тумана пришли в движение. Беспокойной пеной они поднялись к кронам деревьев и закрыли собой небо. На лес опустился сумрак, а моей кожи коснулся легкий порыв ветра.

Тишина рассыпалась на осколки, и лес наполнился привычными звуками: шелестом листьев, нервной переключки птиц. А еще странным свистом. Словно какой-то невидимка стоял рядом и прутом рассекал воздух.

Ветер набрался сил и принялся хватать деревья за ветки, поднимать в воздух лесную подстилку. Пока я с недоумением смотрела по сторонам, он хлестнул меня по щекам и потянулся к волосам.

Нос цапнул запах сырости, прелых листьев и едва уловимый — железа. Тыльной стороной ладони я смахнула капельку крови с подбородка. Но ее металлический запах только усилился.

Словно призывая кого-то невидимого на помощь, деревья нутжно закричали. А я опять застыла на месте. Потому что никакой шум не мог заглушить жужжание, доносящееся со всех сторон разом. Такое «жу-жу-жу» я уже слышала сегодня под полом. Только сейчас это была не одна маленькая пчелка, а тысячи и тысячи насекомых.

«Это для них я улей собиралась сделать, чтобы чай с медом пить?» — недобро усмехнулась я.

И перед глазами завертелись жуткие картинки моего незавидного будущего, если пчелки меня все же ужалят. Сначала я опухну, а потом... потом начну задыхаться. Конечно, может, у этого тела нет аллергии на пчел, но лучше я это проверю в более безопасных условиях.

И в одно мгновение я сгруппировалась и поняла, что надо делать прямо сейчас.

Бежать.

Как можно скорее. И дальше от этого леса.

Я сорвалась с места и помчалась в обратную сторону. Деревья ветками хлестали по спине, хватали за волосы, корнями преграждали путь. Едва не зарывшись носом в землю от коварной подножки молодого деревца, растянувшегося прямо поперек тропинки, я выскочила на луг.

И сразу зажмурилась от яркого света: день еще только клонился к закату.

Возвращаться домой было рано, и, дойдя до середины луга, я остановилась и решила присмотреться к окружавшей меня зелени. Склонилась к невысокой травке с продолговатыми листочками и выглядывающими из пазух стебля зонтиками бутонов — и узнавание не заставило себя ждать.

Как нарочно, это был он, золототысячник. Тот самый, стоявший мне конфуза во время учебы. Я вызвалась сделать из него гербарий, а потом обошла все поля в деревне — и не

нашла ни одного кустика...

Сейчас его удлиненные листочки тянулись к солнцу, а в бутонах проглядывали розовые прожилки. Надо дать ему время напитаться теплом и светом, и можно будет собирать. Для аппетита и от уймы болезней — самое оно.

Еще немного побродив по лугу, под голодное урчание желудка я направилась домой.

Шутка ли, за целый день и крошки не съела!

Встретил меня Игнат на окраине поселка. В синей рубаше, подпоясанной красным поясом и в черных штанах. С покрасневшим лицом и еще влажными волосами и бородой. Рубаша оттеняла его глаза, и выглядели они теперь синими-синими.

— Окаянная, где ты шлындаешь? — едва заведев, ястребом накинулся он на меня.

— Нигде, — вяло огрызнулась я. — Почему спрашиваешь?

— Там тебя Блинцовка дожидается.

— Кто?

— Блинцовка! Ты почему разрешила ей приходить в наш дом? Забыла, что батюшка наш на нее и друиду, и герцогу донесения отправлял? И как она нам отомстила, тоже забыла? — голос Игната перешел на высокие ноты, и я чуть поморщилась.

— Сегодня вечером расскажешь мне, почему ты с ней не поладил, — кивнула я и пошла к калитке.

— Я не поладил? — взвыл дядя на всю округу. — То, что

она нас ограбила, потом ее муж Кирилл подрубил наши яблони и полил их керосином, — это, ты называешь, я не поладил? Да ты такая же проходимка, как и она, я батюшке это сотню раз говорил...

— Игнат, давай поговорим потом, — подняла я ладонь вверх и прошла мимо.

Какие были делишки у Насти с Блинцовкой, мне, конечно, было интересно. С одной оговоркой. Слушать про подвиги предыдущей хозяйки этого тела я готова была только после ужина.

Поэтому я быстрым шагом зашла во двор, приветственно кивнула стоявшей у дома женщине и, не думая, что кроется за ее донельзя высокомерной мимикой, направилась к крыльцу.

Глава 9

Все мои мысли вертелись вокруг простокваши и отварной картошки, которые точно должны быть у Игната. Потому что такая простая и вкусная еда есть в каждом сельском доме. Я даже почувствовала их головокружительный аромат, но гостя уже двинулась мне навстречу.

— Настенька, у меня к тебе дело есть, — несмотря на ласковое обращение, в ее голосе звенели металлические нотки.

Она бесцеремонно схватила меня за руку. И с нажимом посмотрела в глаза, отчего мне стало не по себе.

— Неотложное.

После слов Игната звать ее в дом мне совсем не хотелось. Но и принимать его обвинения на веру без доказательств было бы опрометчиво: Блинцовка может оказаться адекватной соседкой, а я по глупости испорчу с ней отношения.

Поэтому, решила я, сначала попытаюсь найти следы подрубки яблонь и сожженные керосином деревья, а потом решу, как мне с ней общаться. А то мало ли что могло привидеться дядюшке во время его возлияний.

— Хорошо, — сдалась я и остановилась у порога. — Давайте поговорим.

— Разговор с глазу на глаз.

И она по-хозяйски направилась в сени, а из них напрямиком в гостиную. Едва я захлопнула за собой дверь, как незваная

гостья сразу перешла к сути:

— Мне нужна настойка, которую ты давала в прошлый раз.

— Напомните, от чего я вам ее рекомендовала?

Как бы мне ни хотелось скрыть свое неведение, я не рискнула предположить, что за проблемы могут быть у этой цветущей на вид женщины. Гладкая кожа, как после косметолога, которых здесь и в помине нет, минимум морщинок... Если жители поселка медленно угасают, тогда почему она так свежо выглядит?

Я споткнулась о ледяной взгляд и отвела глаза. На целую минуту в гостиной воцарилась тишина, нарушаемая только жужжанием мухи, бившейся о стекло.

— Настойка не для меня, — процедила она, наконец. — Не думай, ты в обиде не останешься.

А я готова была чертыхнуться. К чему вся эта конспирация?

— Тогда пусть заболевший сам придет, — дернула я плечом и сморщилась от пробравшей боли. — Если не может, я могу к нему домой на минутку забежать.

— Настя, с тобой все хорошо? — Блинцовка поджала губы и заглянула мне в глаза.

— Я сегодня головой и плечом ударилась. Не думала, что после этого будут провалы в памяти, — решила я не делать тайны из утреннего происшествия. Все равно Игнат растреплет под градусом на весь поселок.

— Так бы сразу и сказала, а то я думаю, почему не признаешь меня. Детишки мои совсем озверели. Смотри, что они сегодня сотворили.

И она крутанулась вокруг своей оси, демонстрируя дыру в пальто и надорванный рукав.

— В прошлый раз ты мне сама рецепт составила, чтобы они сонными были и вялыми целый день и не устраивали мне пакостей. Хорошая настойка. Только вчера закончилась и сегодня такой убыток, — раздосадованно покачала она головой, и морщинка пролегла на ее переносице.

— Я говорила, что такие настойки вредные? Детям они вообще противопоказаны.

— Не помню, — скривилась она. — И какое нам дело, вредные они или нет. Дети буйные, их надо утихомирить.

— Сколько их у вас?

— Двенадцать. — И прежде, чем я ошарашенно уставилась на нее, продолжила: — Из столицы прислали донесение, что еще троих на этой неделе привезут. Приготовь мне две большие бутылки настойки. А то никакого терпения не хватает. Беспризорщина, что с них возьмешь!

«Давать детям-сиротам угнетающую сознание настойку... Настя, ну как ты могла!» — чуть не застонала я.

— Что касается денег, то я тебе внеочередные ночные смены поставлю на ближайшие две недели. Как раз наберется на два серебряных.

— Всё-таки я сильно стукнулась, забыла даже, куда устро-

илась.

— Ну «устроилась» — это громко сказано. Мы с тобой на днях договорились, что ты занимаешь ставку лекаря в детском доме, поглядываешь за этим отребьем и помогаешь мне их утихомиривать.

Когда же я услышу хорошие новости? И я стала торопливо соображать, как не вызвать подозрений, но при этом отраву Блинцовке не дать.

— Тут такое дело... — замялась я. — У меня сырье закончилось, то самое. Олимпий Ладиславович много не заготовил, и вот...

— Да, знаю, твой дед не любил такие зелья и даже грудничкам, чтобы лучше спали, их не продавал. Щепетильный дюже был. Хорошо, ты не такая. Найди сырье, и поскорее!

— Я постараюсь, — кивнула я.

Блинцовка натянуто улыбнулась и была такова. А я обессиленно хлопнулась на стул и приложила руку к голове, готовой расколоться от боли.

Назначить детям... Тьфу! Настя, ты пробила дно.

Мои щеки вспыхнули огнем. Аппетит пропал. Сама мысль о еде отзывалась подступающей к горлу тошнотой. Внутри прокатилась дрожь, руки и ноги затряслись.

Не в силах усидеть на месте, я вскочила со стула и под надрывный стук сердца направилась в чулан. От одного невольного взгляда в его дальний угол меня передернуло: розовые лучи солнца высветили сухие стебли, о которых при-

шлось соврать гостю. Я потянулась в другую сторону и быстро отыскала грубо измельченный пустырник.

Но, чтобы успокоить нервы, одного его было мало, так что вдобавок я вытащила из чулана маленький пакет с плодами боярышника.

Пока я возилась с керогазом, дрожь в руках стихла, но сердце продолжало надрываться в груди. В ступке растерла сырье, залила его кипятком и едва дождалась, пока отвар настоится. Процедила и сделала один глоток.

Горький напиток царапнул горло и заставил поморщиться. Но я выпила еще немного, прежде чем убрать отвар подальше. Потому что, какие бы проблемы ни сыпались мне на голову, важнее всего сохранять спокойствие.

Глава 10

Стресс предсказуемо показал себя крепким орешком. Сердце и не подумало успокаиваться, руки продолжали поддрагивать. Пустырник с боярышником подействовали на него как дробинка на слона.

Кроме спокойствия мне еще нужна ясная голова. И, поборов соблазн нырнуть еще раз в сундук Олимпия Ладиславовича, я принялась размышлять, чем еще могу себе помочь.

В раздумьях я пошла обследовать дом. Самую дальнюю крохотную комнату, метра два на три, судя по неубранной постели, занимал Игнат. Ее окно выходило на запад, и солнце заливало скомканное белье закатным светом.

Еще одна дальняя комната, по-видимому, служила залом. В углу на широкой тумбе стоял большой ящик со стеклянным экраном.

Телевизор? Может, даже черно-белый? Я поискала вилку и воткнула ее в розетку, но права была Матрена: электричество здесь то есть, то нет. Сейчас его не оказалось, и с экрана отражалось только мое лицо. С испачканным подбородком.

«Я ведь в таком виде с Блинцовкой разговаривала...» — охнула я и вернулась в гостиную.

Все четыре таза с водой продолжали стоять там, где их оставил Игнат еще утром, — в углах комнаты.

Они-то мне и нужны! Я окунула руки в воду, зачерпнула

ее полную горсть и выплеснула на лицо. Потерев подбородок и еще раз ополоснувшись, я вернулась в зал к своему отражению в кинескопе.

Я убедилась, что подбородок чист, и принялась рассматривать себя. В меру тонкое лицо, яркие темные брови и пухлые губы. И высокие скулы. Ничего больше в отражении уловить не получилось. Но и тем, что увидела, я осталась довольна.

И я вернулась к прерванному занятию. Скоро ночь, а я так и не определилась, где лягу спать.

Из гостиной я двинулась в еще одну комнатку, тоже небольшую, граничащую с кухней. В ней была целая печка-карандаш, кровать и стол. И большое окно, из которого было видно, как дымится пожарище.

Матрас оказался твердым, а комнатка, хоть и была ужасно грязной, вдруг показалась мне вполне уютной.

Пожалуй, это то, что мне надо! И я принялась искать ве-
тошь, чтобы поскорее взяться за уборку.

Чего-чего, а ненужного рваного тряпья в доме хватало. Весь шкаф в гостиной был только им и забит, и я выбрала несколько тряпок покрепче. Затем взяла бутыль с мылом, которую Игнат опустошил едва ли на одну четверть, и при-
тащила один из наполненных водой тазов.

Начать уборку решила с окна. Настолько засиженных му-
хами стекол я в своей жизни не видела, даже дневной свет проникал через них с трудом.

Я налила на тряпку побольше отвара мыльнянки и приступила к делу. Терла, полоскала тряпку и снова терла. Прошло не меньше часа, но теперь подоконник сиял белой масляной краской, а стекла скрипели от чистоты.

Но это было только начало. На фоне окна особенно грязными стали выглядеть стены и пол, а также стол, прислонившийся в углу. Значит, надо и их срочно привести в порядок. Собирая ворох паутины, я прошлась влажной тряпкой по стенам. Зацепила взглядом термометр на стене и удивилась. Неужели всего плюс 17 градусов?

В пылу уборки я не заметила, что на улице похолодало и почти сразу стало холодно в доме. Ведь двойные окна Игнат поставить не удосужился. Ночью при таком раскладе может стать совсем зябко.

Недолго думая, я метнулась на улицу и насобираала на пожарище более-менее уцелевших досок. Притащила их в свою комнату, заложила в печку и, открыв выюшку, полила деревяшки керосином. Бросила на них зажженную спичку и, едва их лизнуло пламя, закрыла заслонку.

В считанные секунды огонь набрался сил и утробно загудел. Вскоре воздух наполнился теплом, и я поняла, до чего же замерзла. Приложила ладони к побеленному боку печки и зажмурилась от удовольствия.

— Окаянная! Ты зачем грубку затопила? — надрывный голос Игната ворвался в дом, и я едва не застонала от досады.

— Чтобы от холода не околеть! — сказала и закрыла перед

его носом дверь в свою комнату. И принялась за дальнейшую уборку.

Сначала сняла с вешалки в углу несколько фуфаек и вытащила их в гостиную. А на освободившемся крючке разместила свое пальто. Потом притащила еще один таз с водой и, орудуя тряпкой и мыльнянкой, отмыла почерневшую от грязи клеенку на столе. И сам стол оттерла до блеска. Заодно обнаружила в нем потайную секцию, куда и положила дедово завещание.

Еще часа два ушло, чтобы пройтись влажной тряпкой по плинтусам, вымыть лампочку, свисающую с потолка, и отмыть пол.

Время от времени я выбегала на пожарище, добывала обгоревшие деревяшки, ломала их ударом ноги и добавляла в печь. Конечно, дерево — это не торф и не уголь. Но все равно в доме стало теплее. А красная линия на термометре перескочила за 20 градусов.

Когда совсем стемнело, а моя комната уже сияла от чистоты, я обессиленно упала на стул и посмотрела себе под ноги. И только сейчас обнаружила, что под кроватью расположен еще один люк, ведущий под пол.

Вздыхнув, я встала, отодвинула кровать и потянулась к металлическому кольцу люка. Потянула за него и заглянула вниз. Если мне и хотелось сюрприза, то именно такого.

Картошка. Большая и маленькая, она лежала небольшими горками в строго разграниченных кирпичами отсеках. Мне

снова почудился ее аромат, теперь уже сваренной в мундирах, и в животе надрывно заурчало.

Трудотерапия справилась со стрессом. Мои руки больше не дрожали, сердце тоже вело себя прилично. И я дико хотела есть.

Пока я выбирала клубни покрасивее, пока их мыла, в печке продолжало гудеть пламя. Но к тому времени, как я нашла подходящий чугунок, вымыла его и заполнила картошкой, пламени стало меньше.

Я подождала еще немного и, когда в печи остались только пышущие жаром раскаленные угли, кочергой собрала их в горку и подвинула к ее краю наполненный картошкой и водой чугунок.

Потерпеть час, и будет у нас ужин. Еще бы простокваши найти, и ничего больше не надо.

— Эту картошку батюшка на семена отложил, — меланхолично сообщил Игнат, когда я позвала его к столу.

— Ее там много, хватит и на семена, и поесть. У тебя простокваши не найдется?

— Не найдется, — ответил он слишком быстро и глаза отвел.

— А если я найду? — поймала я его замешательство.

— Окаянная, во тьме сгинет твоя душонка... — Бормоча под нос ругательства Игнат, вышел в сени и вернулся с литровой банкой. — Чтоб тебя...

За полчаса от чугунка картошки и банки простокваши ни-

чего не осталось. К концу ужина Игнат даже перестал ворчать, а потом и вовсе предложил повторить такую трапезу завтра.

— Простокваши больше нет, — вздохнул он. — Не хочет мне Шурочка за работу молоко давать. Только брагу...

— Завтра я что-нибудь придумаю, — подхватила я его миролюбивое настроение. — А теперь пошли спать.

Напоследок я проверила, погасли ли в печке угли и, не обнаружив ни одного, со спокойным сердцем закрыла выюшку. Теперь до утра в доме будет тепло.

Уснула я на новом месте мгновенно. Словно я и в самом деле дома. А Жека и прошлая жизнь мне просто приснились.

Глава 11

Спокойным сон пробыл не долго. В него и в самом деле явился привет из прошлой жизни: в мареве сновидения постепенно прорисовалась фигура моего мужа. Жека... Высокий, статный, с чарующим взглядом и проникновенным голосом. Он что-то говорил мне, но я едва улавливала обрывки слов.

«Жека, почему ты это сделал? Мы ведь хорошо жили», — запульсировала в голове навязчивая мысль, которая не отпускала меня последние сутки. Но Жека продолжал говорить, а потом повернулся ко мне спиной и его фигура растаяла в тумане.

Мы вместе учились в медицинском. Жека на стоматолога, а я на провизора. Хотя мне даже тогда, на первом курсе, казалось, что Жека просто усердно очаровывал все женское общежитие и лишь попутно с этим занятием постигал азы стоматологического дела.

Впрочем, его ветреность и безалаберность не помешали мне в него влюбиться. Безднадежно, как влюбляются в звезд эстрады и кино. Или в спортсменов.

Жека был для меня таким же недосягаемым, как и они. Только без постера с его фотографией на стене.

Психолог, к которой я не преминула сходить, сразу сказала, что это во мне бушует эскапизм. Я боюсь отношений и

возможных потерь. Поэтому и выбрала недоступного мужчину.

Я с ней согласилась. И терпеливо ждала, когда образ Жеки перейдет в разряд светлой грусти о чем-то неслучившемся, а я начну обращать внимание на других парней.

Но на пятом курсе неожиданно для всех — и особенно для меня! — Жека сделал мне предложение.

«Вы только посмотрите! Жека переспал со всем женским общежитием, а чтобы переспать с Настей, ему пришлось жениться!» — хихикали со всех сторон.

Слухи и шепот за спиной множились, и тревога укутывала мое сердце колючим недоверием.

Почему он выбрал именно меня? Такие, как он, не женятся на таких, как я.

Я ведь совсем обычная. Даже не в его вкусе. Я знаю, ему нравились девицы яркие и бойкие, а я невысокая бледная брюнетка. Пройдешь мимо и не заметишь.

Но мне так хотелось дотянуться до мечты, что я приглушила голос разума и отогнала прочь сомнения. Заодно вычеркнула из памяти все его подвиги. Ведь я не собиралась упрекать его прошлым. Мы тогда даже не дружили, были просто знакомы.

«Кто прошлое помянет, тому и глаз вон», — рассудила я и решила просто наслаждаться своей удачей. И за все два года замужества ни на секунду не пожалела о своем решении.

В то злополучное утро я лежала в стоматологическом

кресле и сгорала от нетерпения: наконец-то и у меня скоро будет идеальная улыбка. Гордость за мужа приятным теплом согревала сердце и поднимала настроение: всего за два года Жека стал лучшим в столице специалистом по винирам и прочей красоте. И я чувствовала себя причастной к его успеху.

Ведь это я первая поверила в него. Без раздумий отдала квартирку, полученную от государства, чтобы он смог обустроить свой кабинет и пройти дорогие курсы. Зато теперь к нему очередь на полгода.

Холодный белый свет медицинской лампы пробирал до мурашек. Я поморщилась и повернула голову в сторону медицинского столика. Мои губы сами собой растянулись в улыбке. Но улыбнулась я в пустоту. Потому что Жеки на этом привычном месте не было.

Хруст стекла и всхлип шприца, втягивающего в свое нутро лекарство, раздался с другой стороны.

Почему муж зашел мне за спину? Нельзя ведь ходить по стоматологическому кабинету с инструментами и вскрытыми ампулами в руках.

Удивление не заставило вскочить меня с кресла. Я только приподняла голову и брови вопросительно изогнула. В следующую секунду в металлическом лотке звякнула вскрытая ампула. Краем глаза я успела отметить название — лидокаин. Но осознать ничего не успела.

— Будет не больно, как комарик укусит, — приближаясь

ко мне из-за спины, вкрадчивым голосом сообщил муж и не обманул.

Комар кусает больнее, но от его укуса не опухает язык и глотка... И грудь не рвется на части от нехватки воздуха...

...Я так хотела идеальную белую, как в кино, улыбку. А получила укол лидокаина, на который у меня аллергия.

Ему ли об этом было не знать?

Однажды на первом курсе я сильно заболела, но пропустить лекции не решилась. Медицинский университет не похож на другие. Один день не придешь, по самой что ни есть уважительной причине, — и поймаешь уйму отработок. А проболеешь неделю — будешь хвосты разгребать весь семестр.

Тогда моя подруга и соседка по комнате взялась меня пролечить, а я взамен обязалась, когда выздоровею, уходить гулять на пару часов, пока она будет общаться со своим парнем. С Жекой.

Первый укол антибиотика, разведенного лидокаином, прошел без происшествий. А вот второй... Мне повезло, что Жека в этот момент ждал за дверью, пока подруга меня уколает.

Почему у меня оказалась такая реакция на безобидный для многих препарат, я не знаю. Но тогда Жека меня спас. При первых судорогах и сбившемся дыхании сориентировался он мгновенно. Метеором вылетел из комнаты и почти сразу вернулся, сжимая в кулаке крохотный тубик с иглой

на кончике. Обнажил иглу и прямо через одежду вонзил ее мне в предплечье.

А потом, когда опасность миновала, вспотевшими пальцами коснулся моего лба и припечатал: «Настен, запомни навсегда, что лидокаин — это твоя смерть».

— Кукаре... К-ку-у-у! — ворвалось в мой сон, и я подскочила на кровати.

Глянула на розовое зарево за окном и упала назад на пропитавшуюся потом на подушку. Образ мужа, оставляя в сердце дыру, понемногу растворялся в свете нового дня.

Глава 12

Рябчик снова затянул свою предрассветную песню, а его собратья из других уголков поселка принялись подпевать на разные лады.

За стенкой скрипнул матрас, и вскоре в гостиной раздались шаги. К бессоннице я не склонна, но после ночных видений сна у меня не было ни в одном глазу.

Толку бока отлеживать? Я вылезла из-под одеяла, опустила ноги в туфли и поморщилась: холодно. Прошло всего несколько часов, а все тепло от грубки, как назвал ее Игнат, улетучилось. В следующий раз надо попробовать протопить настоящую печь.

Я натянула платье, надела поверх него колючую шерстяную кофту, потянулась к чулкам и скривилась от запаха. Стирку тоже надо устраивать. Но не сейчас.

Сейчас самое время пойти к Матрене: наверняка она уже на ногах и хлопочет вокруг коровы. А потом мне стоит заняться завтраком.

Из чего я его буду готовить, вопрос интересный. Игнат все-таки прав, нельзя есть картошку, которую Олимпий Ладиславович приберег на семена. Стоит проверить куриные гнезда, но пара яиц положение не исправят.

Мне срочно нужны деньги, чтобы купить молока, муки, картошки и мяса. И керосина. Потому что после вечерней

растопки печки оставалось его всего ничего.

Где мне их заработать? Тем более, если верить Игнату, за работу здесь платить предпочитали совсем не деньгами.

Хочешь не хочешь, пора начинать варить зелья и продавать их жителям поселка.

А еще... я ведь даже не знаю, как этот поселок называется. Какой сейчас год и день, тоже не знаю, — спохватилась я и едва не всплеснула руками. Так и выдать себя недолго.

Интересно, в этом мире есть еще попаданцы? Или я одна буду носить почетное звание попаданки в местной психушке? И я нервно хихикнула.

Руки, заледеневшие во время сна, оставались холодными. Я поднесла их ко рту и попыталась согреть дыханием, но тепла в нем оказалось не много.

Как согреться, идея у меня была, и я направилась в чулан. Взяла оттуда горсть корзинок ромашки и на остатках керосина приготовила отвар. Часть его налила в бутыль, а часть в треснутую чашку, которую обнаружила на кухонном столе.

Несколько глотков действительно помогли.

— Игнат, отвар ромашки будешь? — окликнула я топающего из сеней дядю и кивнула на запотевшую бутыль.

— Чего отвар? — сощурился он и, пригнувшись, повернулся в мою сторону.

— Ромашки. Горячий, вкусный, — подула я в чашку. — Присоединяйся.

— Батюшка чаи травяные не жаловал, — пробухтел дядя

себе под нос и скрылся в дальней части дома.

— Не хочешь, как хочешь, — дернула я плечом, сделала еще один глоток и зажмурилась от удовольствия. — Мне больше достанется.

Согревшись и взбодрившись, спустя десять минут я направилась к своей первой в этом мире пациентке.

Определенно Крошка меня узнала. Стоило мне окликнуть ее, повернула морду и дернула ушами. И принялась переминаться с ноги на ногу.

— Всю ночь спала, ни разу не замычала, не встала, — похвасталась успехами в лечении Матрена.

— А вы, наоборот, не спали? Нехорошо... — вздохнула я, промокая шкуру Крошки отваром из бутылки.

— А что мне сделается?

Ее удивление выглядело таким искренним, что я решила не ворчать. Лучше подберу я Матрене что-нибудь для улучшения сна, чтобы не стояла она ночами над своей кормилицей.

Проверила рогатую пациентку, и настроение мое улучшилось. Из мыслей исчез все витавший в них образ Жеки, а вместе с ним растворилась в прохладном поселковом воздухе и навеянная сном грусть.

— Возьми, парное, — протянула мне Матрена трехлитровую банку молока, когда я, потрепав напоследок Крошку по шее, направилась к выходу. — И завтра приходи.

Молоко было и в самом деле еще теплое. Банка согревала

руки, легкий запах нагонял аппетит, а я шла и думала, как бы не споткнуться и не уронить. А то не переживу такую потерю.

Дома разлила треть по чашкам, остальные два литра поставила в своей комнате под кровать. Пройдет дня два или три, и у нас будет к ужину простокваша.

Молоко — это хорошо, но, где взять денег, идей у меня по-прежнему не было. А сколько будет стоить вступление в наследство Олимпия Ладиславовича, думать и вовсе не хотелось. И главное, где все эти бумаги оформлять?

Поговорить бы с грамотным человеком на эту тему...

Звякнула калитка, и во двор быстрым шагом вошла женщина в платке и с большой сумкой на плече. Она деловито опустила бумажку в почтовый ящик и повернулась, чтобы уйти.

— Извините, — окликнула я ее. — Не подскажете, кто в поселке получает газеты?

— Так Матвей Иванович же. — И она посмотрела в сторону окраины поселка. — «Вестник», «Наш уголок». А София Дмитриевна выписывает журнал «Здоровье».

— Много...

— Они у нас грамотные, учителя! — произнесла она с гордостью. — Моя дочка в этом году в классе Матвея Ивановича учится. По алгебре одни пятерки.

Она ушла, а я поняла, к кому мне идти спрашивать совета. Только бы все получилось без неприятных сюрпризов.

На манер Матрены я сразу прошла через калитку соседнего дома и постучала в дверь. Не дождавшись ответа, вошла, и в глаза мне бросилась газета, лежащая прямо на столе в гостиной.

«Ведуны», — было написано от руки чернилами на ее верхнем белом поле. «Название поселка», — догадалась я и принялась глазеть на передовицу, откуда с зернистой фотографии задумчиво смотрел мужчина средних лет.

Отпечатанный черным и на редкость противным жирным шрифтом заголовок гласил: «Его светлость герцог Иолайт V назначил награду в 10 000 золотых за помощь в поимке неизве...»

— Ты?

Надтреснутый голос заставил вздрогнуть, а прозвучавшая в нем неприкрытая угроза — попятиться. И только потом обернуться в сторону хозяина дома.

Им оказался высокий худой мужчина в гимнастерке и брюках защитного цвета. Его поза выдавала крайнюю степень напряжения. Казалось, даже его волосы в прическе полубокс наэлектризовались до предела.

— Извините, никто не открыл, и я вошла... — запинаящимся голосом произнесла я. — Мне надо с вами поговорить.

Фу-х... Ну вот, не так и сложно начинать первой.

— Не буду я с тобой говорить! — Его щеки порозовели, а скулы заострились. — Чорт ты гадов!

— Почему? — пробормотала я, глядя на краснеющее лицо соседа и отступая к двери.

— Ты жулик, Блинцовке в ее делишках помогаешь. А ну пошла отсюда! — И он потянулся к ведру воды, стоящему на ступеньке печи.

Глава 13

Дождаться холодного душа я не стала. Выскочила на веранду, из нее на улицу и по тропинке помчалась прочь со двора. И только скрывшись за сливовыми кустами, которые росли вдоль дороги, перевела дыхание.

Вот, называется, и познакомилась с соседом, и о помощи попросила. Такое чувство, словно я прокаженная и все ша-рахаются от меня...

Одно хорошо: узнала название поселка да местную прессу одним глазом увидела. Пока она ничем не отличается от привычной мне. Найти бы еще возможность полистать пару газет. Сразу станет понятнее, чем люди живут, что их волнует. И за чью голову назначили награду в 10 000 золотых.

Я вернулась во двор, и мой взгляд остановился на почтовом ящике, в котором через прорезь белело письмо. Просунула руку в искривленную щель — похоже, ключик Игнат потерял — и достала бумажный прямоугольник.

Адрес был не лишен оригинальности: «В земли Иолайта V, к самому приграничью, в поселок Ведуны. Вручить лично Игнату Гатальскому. Посылатель: Купава Гатальская».

Я подняла конверт повыше, но через плотную бумагу солнечные лучи не пробивались. И я в легкой растерянности остановила взгляд на красивом каллиграфическом почерке отправителя. Провела подушечками пальцев по ровным

строчкам с идеально выверенными завитками и, вздохнув, направилась в дом.

Как бы ни глодало меня любопытство, вскрывать письмо я права не имею. Если Игнат захочет, то сам покажет, что написала ему моя мать. А нет так нет.

Интуиция подсказывала, что ничего хорошего там дядя не прочтет. Вряд ли его сестра стремится воссоединиться с братом и дочерью. Иначе почему она даже обратного адреса не оставила?

— Игнат, напомни мне, как у нас почта работает? — невзначай спросила я, вручая конверт.

— До вечера работает, суббота и воскресенье выходные. — Нахмутив брови, он забрал письмо и повертел его в руках. А потом и вовсе поднес к носу, шумно обнюхал и скривился.

Я кивнула и потянулась к невзрачной куртке, которую еще вчера прибрала к рукам. Но, чтобы точно без приключений сходить на почту, одной куртки мало. Слишком я отличаюсь от местных жительниц, даже отсутствие зеленого пальто не спасет положение. И непокрытая голова привлечет внимание, и прическа. Если выйду как есть, меня узнают в считанные секунды.

Избежать возможного скандала хотелось так сильно, что потянуло под ложечкой.

Должна же в этом доме быть и женская одежда. Например, моей бабушки. Сжимая в руках куртку, я направилась в зал. Открыла шкаф-купе и выудила из него пропахший нафтали-

ном коричневый пушистый платок. Не давая себе времени на размышления, повязала его на голову. Метнулась в сени и отыскала в углу среди груды пыльной и рваной обуви галоши размером чуть меньше лыж. Надела их и потопала по полу, принаравливаясь к непривычной обуви.

Маскировка такая себе, но лучше чем ничего.

Платок колотся и пах чужой немойтой головой, и я пообещала себе сразу по возвращении устроить большую стирку. Выходить на дорогу из калитки я не решилась: шифроваться так шифроваться, — и пошла мимо пожарища.

Я оказалась так поглощена сменой образа, что едва не споткнулась о курицу, стоявшую посреди тропинки. С громким кудахтаньем пернатая скрылась под лежащими на обугленном хребте обломками шифера, откуда ей отозвались еще несколько голосов. Вот где они обустроили себе гнезда!

Вышла со двора я из-за сгоревшего дерева. Обошла лужу, которая за день не уменьшилась ни на сантиметр, и, выправив спину и расправив плечи, двинулась по центральной улице.

Почта обнаружилась на другом конце поселка, в небольшой избе с маленькими окнами, над которыми чернела залитая дождем и поросшая лишайником вывеска: «Ведунское почтовое отделение».

Я вошла в тесную каморку и принялась рассматривать помещение. Небольшое, но уютное. На стене календарь с красным квадратом вокруг сегодняшней даты: 23 марта 1951 го-

да.

Однако. Еще бы карту мне...

На окнах белые гардины, в углу картина с пейзажем. Странная. Первый раз вижу светящийся золотистым светом лес.

И два стола впритык друг к другу, за одним из которых восседала крупная пожилая женщина.

— Здравствуйте, — перехватила я ее взгляд. Сделала шаг к стене и протянула руки к кафельной плитке, от которой шло тепло.

— День добрый, — отозвалась работница.

Ее рыжие с проседью волосы были собраны в пучок, а на кончике носа сидели очки с маленькими стеклами. На лице промелькнуло сосредоточенное выражение. Пытается вспомнить?

— Вы не подскажете, я могу подать объявление в газету? — спросила я и замерла в ожидании ответа. Но руки от теплой поверхности не отняла.

— В какую? — женщина поправила очки на носу и разложила на столе веером несколько газет.

Я выцепила взглядом ту самую, с задумчивым мужчиной, и, отойдя от теплой поверхности, коснулась ее.

— Можно посмотреть, как выглядит рубрика объявлений?

— Конечно.

И я принялась с конца к началу просматривать короткие

и не очень заметки.

«Его светлость герцог Иолайт V назначил награду в 10 000 золотых за помощь в поимке неизвестного мага, который от семнадцатого февраля сего года нарушил запрет на приближение к дворцу. Примечание: в одиночку не атаковать, маг невероятно силен!»

— Я бы хотела разместить вот здесь, — вернула я газету работнице.

— В «Вестнике» реклама стоит один серебряный, — она склонила голову над своими заметками. — Объявления публикуются в порядке очереди. Вне очереди можно опубликовать за двойную стоимость.

— Как дорого! — вырвалось у меня против воли.

— Раньше ты не ворчала на цену. Совсем тебя Игнат заморил, — с сочувствием в голосе она посмотрела на меня поверх очков. — Не вызвала ему магоправов?

— Пока нет, — мотнула я головой. — Могу я взглянуть на свои предыдущие объявления?

— Отчего же нет? — Поджав губы, она зашуршала бумагами. — Вот последнее. А с магоправами не тяни. Дальше только хуже будет.

На стол упал листок квитанции об оплате. Два серебряных, публикация 4 февраля.

«Пускай у вас в саду благоухают розы», — значилось в заявке.

— Смотри, как красиво вышло. — Женщина на минуту

отвернулась и извлекла откуда-то стопку газет.

Передо мной лег пожелтевший разворот. Словно это имело значение, текст был заключен в рамку, увитую бутонами роз. Типография и в самом деле постаралась, чтобы выглядело объявление симпатично. За два серебряных отчего бы не постараться... Непонимающим взглядом я продолжила гипнотизировать эти две строчки.

Ладно бы Настя зелья рекламировала. Но нет же...

На плечи, прижимая меня к земле, многотонной горой упала тревога, а к горлу подступили ледяные щупальца страха. Комнатка в один момент уменьшилась в размерах, а весь кислород из нее исчез.

— Спасибо, я в другой раз приду, когда с датой определюсь, — хватая ртом воздух, попрощалась я и торопливо, едва не зацепившись галошей за порог, вышла на улицу.

Конечно, объявление о зельях сделать надо обязательно, но целого серебряного у меня не было. У меня даже одного самого мелкого гроша сейчас было не сыскать.

Глава 14

Галоши противно чавкали, шерстяной платок атаковал кожу своими колючими ворсинками, а прохладный весенний ветер продувал куртку. Механистично обходя лужу за лужей, я шагала домой. Маскировка удалась, но эта маленькая победа меня уже не радовала.

— Где ты шлында... — Игнат уставился на меня во все глаза, вцепившись пальцами себе в бороду. — Там мать твоя объявилась.

— В смысле?

— Денег ей надо. Требуется поделиться наследством, атось к Его светлости пойдет искать правду.

— Пусть идет, — обронила я, сбрасывая галоши.

— Я так и скажу, коли заявится. Нечего мне писать, пусть байстрючке своей пишет, — кивнул Игнат и скрылся в дальней части дома.

Повесив маскировочный платок в своей комнате, я прислонилась к стене, закрыла глаза и под размеренное бормотание Игната едва не сползла на пол.

За какие грехи в прошлой жизни боги запихнули меня в эту семейку?

— Ты меня слышишь? Так Купаве и напишу! Подбросила батюшке байстрючку, сама как стрекоза... — донеслось через стенку. — Ах да, она же актриса, выпускница Академии

Магических Искусств... А теперь наследство ей подавай. Батюшка 10 золотых выделил, между прочим!

— Игнат... — Я уже хотела сказать, что у меня голова болит, но лишь махнула рукой, накинула куртку и вышла во двор.

Кроме тяжелой головы, ужасно тянуло желудок, и я вспомнила, что за весь день выпила только ромашковый чай. Направилась к остову курятника и, присев на корточки, заглянула в его черные провалы. В углу в углублении соломы лежало несколько яиц.

Омлету быть! Хоть какая-то хорошая новость. Плохая новость заключалась в том, что керосин закончился.

— Игнат, принеси дров, я буду печь топить и яичницу жарить.

— Тебе надо, ты и топи, — развернулся дядя в сторону сеней, и поминай как звали.

А мне как раз и надо! Медитативно подкладывать дрова, смотреть на огонь — вот чего мне сейчас особенно захотелось. Я открыла выюшку и поддувало, сходила на пожарище, насобираала досок и загрузила их в печь.

В прошлый раз, имея керосин, поджечь деревяшки оказалось плевым делом. А сейчас я попробовала собрать на подпал мелкую стружку. Завернула ее в обнаруженную на этажерке в зале газету и чиркнула спичкой. И, глядя на робкий язычок пламени, затаила дыхание.

Но огонь заниматься не пожелал: подпал истлел и погас.

Вооружившись ножом, я направилась на пожарище. Нашла сухие лучины, расщепила их на тонкие волокна и завернула уже в несколько газет.

Снова чиркнула спичкой.

Пламя вспыхнуло неохотно. Медленно, лениво облизывая каждую лучину, оно стало мало-помалу разгораться.

А я занялась готовкой. Разбила яйца в миску, взболтала их ложкой и добавила молока. На огороде нашла взошедший укроп-самосейку и несколько перышек лука.

Когда дрова выгорели, я подвинула сковородку к углям поближе и принялась гипнотизировать взглядом ее содержимое.

Через несколько минут головокружительный запах наполнил кухню. Я дождалась, когда омлет поднимется и его корочка зарумянится, и бросила поверх еще немного зелени. Потомила немного и сняла с огня.

— Игна-а-ат! — Я вышла на улицу и принялась крутить головой. — Идем ужинать.

На село уверенно надвигались сумерки, и мне почудилось движение в глубине сада. Я присмотрелась, не там ли топчется мой нерадивый родственничек, даже глаза сузила, но никого не обнаружила.

— Игнат! Ужин остынет, идем! Третий раз звать не буду, — фыркнула я в пустоту и, развернувшись, увидела спешащего к сениям дядю. Рядом с ним шаг в шаг бежала кошка песочной расцветки.

Мы принялись за еду, и омлета тут же не стало. Кошка, вальяжно облизнувшись, не спеша направилась в гостиную.

— Пойду и я вздремну. — Дядя проводил ее взглядом и ретировался в спальню.

А я стала приводить в порядок печь. Сгребла кочергой золу, высыпала ее в ведро и вынесла на огород. Закрыла выюшку и поддувало.

И сама не заметила, как устало присела на стул и спиной прислонилась к теплой печи.

Решать вопрос с керосином надо срочно. Игнат в этом мне не помощник. Подумала и на миг закрыла глаза.

— Настя, а Настя! — лязгнула дверь, и в требовательном тоне я не сразу узнала Блинцовку. — Помоги мне.

Омлет меня разморил, отчего я не сразу сориентировалась. Прикидывая речь, в которой я откажусь от приготовления сомнительных зелий, я вышла в гостиную, взглянула на незваную гостью да так и замерла на месте.

Лицо соседки напоминало сливу. Огромную. Иссиня-черно-лиловую. И нос был распухшим. Под глазами черные круги — нехорошо, признак сотрясения. И фигуру ее перекосило. Одной рукой Блинцовка держалась за дверной косяк, другой за бок и пристально смотрела на меня сквозь отекавшие глаза-щелочки.

— Кто это вас так? — ошарашенно я продолжала ощупывать взглядом ее лицо. — Корова? Лошадь?

Блинцовка ядовито фыркнула.

— Я же просила... дай мне успокоительного зелья... Не дала... — простонала она. — И вот.

— В смысле?

— Деточки мои руку на меня подняли... Доиграются у меня! Отдам магоправам и посмотрим, кто кого!

— Дети? — и я недоверчиво закачала головой.

— Вчера вечером шла из своего кабинета... Темнотища, хоть глаз выколи. Магии нет, а электричество дорогое. Кто, кроме меня, будет казну герцога беречь? А они, паскуды, новенького положили плашмя на пол прямо за порогом, — закашлялась Блинцовка и сморщилась. — Я и зацепилась...

— Идемте, — позвала я ее в гостиную. — Сейчас я вам подыщу что-нибудь от ушибов.

— Мне от этих спиногрызов лучше подыщи! Ты посмотри, совсем страх потеряли!

— Нет у моего поставщика сырья, — развела я руками и печали в голос добавила: — Сегодня ходила узнавала. Но я могу прийти к детям и попробовать с ними поговорить.

— Давай! Попробуй! — воодушевилась соседка. — Ты маг, напугай их как следует! И добудь мне эту настойку, слышишь? Иначе... — и в ее голосе послышалась угроза.

Я как раз развернулась, чтобы идти в чулан, и лишь кивнула. Мои скептически сжатые губы она не заметила. В чулане я взяла чистую хлопковую тряпку и пузырек с солью. Чего-либо получше от синяка в этом мире у меня не было. На кухне сделала соляной гипертонический раствор, смочи-

ла им тряпицу и вернулась к своей пациентке.

— Смачиваете тряпицу и прикладываете к синякам.

— И долго мне так держать? — скрипучий тон не скрывал, что ожидала она от меня другого.

— Пары дней хватит.

Блинцовка вцепилась пальцами в раствор и в тряпку и, нервно дернув головой, проковыляла в сени, а из них во двор. Звякнувшая вскоре калитка оповестила, что гостья ушла.

Неспокойные мысли одна за другой суетились в голове. И я вышла в вечернюю прохладу, чтобы хоть немного их уговорить. На сад опустилась ночь. Тишину нарушал стрекот кузнечиков да уханье сов.

Пройдя вдоль нашего с Игнатом дома, я вышла к обгоревшему остоу и осмотрелась. Ночью все выглядело иначе. Яблони казались двумерными тенями, проступающими сквозь мрак. Сорняки напоминали мелких карликов, столпившихся вокруг дома и сада, а пепелище... оно все еще тлело и щеко-тало нос кислым дымом.

Я остановилась под сгоревшим исполином и уже собралась повернуть назад, когда тяжелая рука упала мне на талию и с непреодолимой силой потянула в сторону. Я и ойкнуть не успела, как оказалась прижата к обугленной коре дерева.

— Привет, Нэсси. — Из черной тени выступил мужчина. Его тяжелое частое дыхание коснулось лица, заиграло прядками волос. — Соскучилась по мне?

— Кто вы такой? Отпустите немедленно!

Задыхаясь от резкого запаха его кожи, я что есть мочи рванулась в сторону, но выскользнуть из захвата не получилось. Мужчина сильнее надавил мне на плечи и талию и, впечатывая спиной в дерево, прошептал в ухо:

— Не узнала меня, милая? — Хозяйским жестом он поддел мой подбородок. — Спорим на бутылъ эля, что, где монеты лежат, ты не забыла?

— Какие монеты? — замерла я на полувдохе.

— Золотые. За работу, которую ты не выполнила.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — прошептала я, чувствуя, как немеет язык и щеки.

— Понимаешь, милая Нэсси, все ты понимаешь... — Голос его звучал вкрадчиво, но он меня не обманул, и ледяные мурашки страха просочились под кожу и понеслись дальше к самому сердцу.

Я замотала головой.

— Врушка из тебя никакая, Нэсси. И как с такими данными ты умудрилась в дворец герцога пробраться? Тебе не кажется, что я переплатил?

Мужчина отнял руки с моей талии и плеча и отошел на шаг. Теперь мои глаза привыкли к темноте и я могла как следует его рассмотреть. Высокий. Широкоплечий. С мощной шеей и длинными, касающимися плеч, волосами. Острые линии его губ пугали, а твердый подбородок и напряженные скулы не обещали ничего хорошего.

— Пять тысяч золотых монет — это целое состояние, Нэсси. За них я могу легко... — Он провел ногтем по моей шее от уха до уха, а я опять утонула в его тяжелом дорожном аромате. — Но это на крайний случай. Мне бы не хотелось портить такую милашку.

— Что вам нужно? — чуть слышно прошептала я.

— Вот это совсем другой разговор, милая Нэсси. — Мужчина стоял так близко, что я чувствовала жар его кожи.

Глава 15

— Что. Вам. От. Меня. Нужно? — отчеканила я и окинула вторженца недобрым взглядом.

— Я уже сказал. — Луна вышла из-за туч и осветила огромный, с ладонь, медальон на его поясе. И рукоятку над ножами. — Или возвращай пять тысяч золотых монет, или выполняй работу, на которую подписалась.

Мужчина поддел ногой камешек, а я прикипела взглядом к его сапогам. Высоким, с загнутыми краями и металлическими набивками на носке и каблуке. Они казались чуть темнее коричневых брюк и вычурного, с множеством заклепок коричневого ремня.

Похоже, не только Настя понимала толк в стиле. Ее приятель тоже умеет подбирать одежду с шиком.

— Впрочем, нет!

Он резко тряхнул головой, и его черные волосы всколыхнулись. На миг я почувствовала легкую дрожь и пресловутые бабочки в животе. От догадки невольно захотелось улыбнуться: похоже, я нашла объект симпатии Насти.

— Монеты я с хорошим наваром могу вернуть в любой момент, а найти такого искусного мага, как ты, — задача посложнее.

Что все это значит? Льстивые интонации, прозвучавшие в его голосе, мне совсем не понравились. Наоборот, на душе

заскребли дикие кошки.

— Слушай, ты не поверишь. — Мне показалось, что разумнее всего будет повести себя самым глупым образом. — Я тут ударилась у себя дома и кое-что из прошлого позабыла. Ты мне не напомнишь?

Сильная ладонь сжала плечо, и мужчина рывком потянул меня на себя. Как пушинку, приподнял, и я увидела его зрачки: широкие, как ночного хищника.

— Смотри, Нэсси, доиграешься у меня. — Он опустил меня на землю и потянулся к карману. Вытащил белый сверток и, распрямив, сунул мне его в нос. — Полюбуйся. Уверен, это быстро освежит твою память. Девичью.

Серебристый свет, льющийся сквозь редкие облака, подсветил странный рисунок из размазанных тире и точек. И текст под ним:

«Разыскивается маг, который под личиной крестьянки поступил на работу в дворец Его светлости и, воспользовавшись безграничным доверием...»

Внутри у меня все оборвалось.

Вот, значит, откуда у Насти пальтишко. И пряталась она теперь понятно почему. Интересно, какое здесь предусмотрено наказание за вторжение к герцогу? Но я продолжила гнуть свою линию.

— Я же говорю, не помню ничего. А криминальную хронику я могу сходить на почту почитать, — развела я руками и продолжила изображать дурочку.

— Ты не поняла? За идиота меня считаешь, да? — глаза мужчины блеснули, рука скользнула на пояс. И я почувствовала исходящую от него силу и опасность.

— Хорошо, давай обсудим работу, — пошла я на попятную. — И главное, отчего ты так уверен, что я могу ее выполнить?

— Совсем другой разговор! — он подхватил меня под руку. — Прогуляемся? А то, хоть дерево сдохло, фонит от него еще будь здоров как.

— Ладно, — не стала трепыхаться я, хотя внутри у меня закручивалась черная дыра из страха и отчаяния. — Куда идем?

— Я поведу. — Его лицо сосредоточилось, мышцы напряглись. Он словно смотрел в темноту и видел как при свете дня. — Сюда.

Мы прошли яблоневый сад, продрались сквозь репейник и лебеду. Переступили через распаханную полоску земли на краю нашей с Игнатом усадьбы.

— Здесь. — Он остановился. — В первый раз ты промахнулась. Так бывает, все ошибаются. Но второй раз ошибки быть не должно. — Его ловкие пальцы снова ощупали мою шею. — Поняла?

— Конечно, — сухо прохрипела я.

— Тогда тебе нужна новая легенда. И новая личина. С легендой будет несложно. Бумажки состряпать — плевое дело. С личиной сложнее. Она должна влиться в твою ауру и за-

крыть ее собой полностью. Тебе и так повезло, что отпечаток ауры снимал новичок и он получился бесполезным. Больше такого везения не будет. Ясно?

— Да.

— И я рад, что мы друг друга поняли. Когда все будет готово, я свяжусь с тобой нашим способом.

— А...

Но мужчина перебил меня:

— Я тут подумал... Если не выполнишь работу, то должна мне будешь не пять, а десять тысяч золотых. Иначе я знаю, где их взять. Ясно?

Говорить смысла не было, и я молча кивнула. Кривоватая ухмылка осветила его лицо без единой морщинки.

— Кошечка моя, все будет хорошо. — На этот раз нежно он коснулся моего подбородка и шагнул в сторону. Секунда, и луна ушла за тучи и всю округу накрыла непроглядная темнота.

Мои ноги подкосились, и я с тихим шелестом свалилась в мягкую луговую траву.

Глава 16

На несколько минут я выпала из реальности. Трава, покрытая вечерней росой, холодила открытые участки кожи. Надрывно стрекотали цикады, угрожающе ухала сова. В этом всеобщем ночном гомоне я, наострив слух, пыталась уловить звуки затихающих шагов. Или шум двигателя.

Но ниоткуда не донеслось ни хруста ветки, ни шуршания травы.

Незнакомец словно растворился в темноте. А я даже не успела вывести его имя!

Со стоном я откинулась на спину, уперлась затылком в землю и постаралась запомнить хотя бы облик шантажиста. Представить его заново оказалось несложно, но вместе с тем во мне заиграли непрошенные ощущения. Фантомные касания стали теплом растекаться по шее и собираться под кожей в приятный тремор. Мышцы напряглись, а в голове прочертились силуэты переплетенных тел. Уверенные прикосновения сильных рук, хриплое дыхание и стук двух сердец в одном ритме...

«О нет, Настя, нет», — вслух застонала я и изо всех сил ударила рукой по траве. Мимолетные видения взбодрили и опустошили одновременно. Что ж, понятно, почему так вызывающе панибратски держался со мной этот тип.

А фоном не прекращала свербеть одна и та же мысль, что

все пропало, что моя вторая жизнь обречена как минимум на прозябание в тюрьме, а как максимум... Но хотя бы про этот «максимум» думать я себе запретила. А то мало ли что способна накаркать моя фантазия...

Перед глазами все еще чернело затянутое тучами небо, когда среди зыбких ночных звуков разразилось истерическое кудахтанье. Образ вымогателя, оставляя после себя терпкий привкус будущих неприятностей, разлетелся на осколки. Последовавшие за птичьими воплями хриплые ругательства Игната заставили меня вскочить и направиться к дому. Наверняка причина, по которой дяде в это время не спится, весьма уважительная. И лучше мне быть рядом с ним.

Вслед за Игнатом я забежала во двор, всего за сутки ставший мне родным. Вдохнула уже привычный запах трав и пожарища, и кулаки сжались сами собой.

Пусть одну жизнь я потеряла, но испортить себе вторую я никому не позволю! До последнего вдоха буду бороться за себя и свою свободу. Подумала — и на душе стало легче, мысли успокоились и потекли более размеренно.

Однако тут же новая серия истошного кудахтанья отозвалась внутренней дрожью. Я прищурилась и увидела, как дядя вытащил из остова курятника бьющуюся в панике курочку, перехватил рукой ее лапы и, другой рукой придерживая крылья, прижал к себе. И пошел в сени.

Похоже, прямо сейчас мне придется бороться за свободу пернатых. Надеюсь, у дяди припасено убедительное объяс-

нение созданного переполоха.

Забежав в гостиную, на мгновение я лишилась дара речи. Игнат стоял посреди, а вокруг него по периметру комнаты металось несколько куриц красной масти.

«Хорошо, что темно и они не летят на окна, — разбили бы стекла как нечего делать!» — нашла я повод для оптимизма. И пристально всмотрелась в лицо дяди.

Выглядел он вменяемым. И абсолютно трезвым. Разве что раскраснелся от погони, дыхание сбил да волосы растрепал. Но в целом такая разминка не знаю, как курам, а его здоровью пойдет на пользу.

— Игнат, что случилось? — как можно спокойнее спросила я, ступая мимо кучки продуктов птичьей жизнедеятельности. Далось мне это спокойствие нелегко.

— Хорек задушил одну курицу, — тяжело дыша и вытирая рукавом пот со лба, ответил он. — Поэтому на ночь будем забирать их в дом. Трех осталось поймать, — добавил и, хлопнув дверью, скрылся в сених.

Я успела лишь протестующе взмахнуть руками и едва не задохнулась от возмущения. Птиц от хорька убереечь, конечно, надо. Но можно это сделать и без превращения нашего дома в филиал курятника. Умеет Игнат вернуть боевое настроение!

Лязгнула дверь, и дядя забросил в гостиную еще одну птичку. Она с сиплым кудахтаньем метнулась под стол, а я схватилась за голову.

Принести кур в дом — это, конечно, безумие, но и выгнать их всех сейчас на улицу мне не позволяла совесть. Все же дядя старался, ловил их. Да и хорек более чем серьезная опасность для пернатых.

Как же быть? Жаль, нет клетки...

— Не ловится последняя, ни в какую... — выпустил в гостиную еще одну пернатую родственничек. — Идем загоним ее с двух сторон. А то больно пряткая.

— Тебе надо, ты и загоняй, — вернула я дяде его слова. Ну а что, взаимопомощь или есть, или нет ее.

И посмотрела на потолок. Вверху же чердак?

И прежде чем дядя успел выдать возмущенную тираду, я сорвалась с места, выскочила в сени и сунула в розетку вилку, шнур от которой бежал к потолку. Люк над головой озарился ярким светом, и я полезла по маршевой лестнице на чердак.

Возле люка я обнаружила то, что мне и было нужно: большие деревянные ящики. В похожие мой дед закладывал на хранение яблоки.

Если я под ними оставлю на ночь кур, то это будет лучшим решением. Кислорода им хватит, места тоже. И хорек в сенях их не поймает: побоится сунуться в жилье.

Я притащила в сени четыре ящика, поставила их верх дном и переняла эстафету гоняться за птицами.

Сил у пернатых оказалось больше, чем я ожидала. Минут через двадцать гостиная напоминала поле боя. Хлопанье

крыльев перемежалось с кудяхтаньем и громкими ударами лап по полу. Но я не прекращала ловить куриц одну за одной и запихивала их в ящики. Когда все курочки оказались пристроены, настал черед Рябчика. Его даже не пришлось ловить: я открыла дверь в сени и он деловой походкой сам подошел к ящику.

Появился Игнат, запыхавшийся и довольный сверх меры. Он держал в руках белую курицу, которую посадил к остальной компании.

«Кукареку», прозвучавшее из-под ящика подвело итог ночному переполоху. И заставило меня нервно улыбнуться.

— Ты понимаешь, что это временное решение, — обратилась я к Игнату, когда мы вернулись в гостиную. — Надо восстанавливать курятник.

— Хорек и в курятнике их достанет. Если повадился, то всех передушит... — сокрушенно покачал тот головой.

— Не достанет. Я знаю, как можно защитить постройку от хорька и крыс.

— Да ну? — В голосе Игната проскочили недоверие с издевкой. — В столице ты другому училась, по бесстыжим глазам вижу.

В ответ я гротескно вздохнула и развела руками.

— Не кривляйся, — буркнул он.

И он направился в дальнюю часть дома, но потом, передумав, вернулся в гостиную. Стал напротив меня, упер руки в бока и брови сдвинул. Взгляд получился суровым, но

остальной его облик — комичным.

— Пока ты живешь в этом доме, чтобы посторонних мужиков я здесь не видел. А коли принесешь в подоле, выгоню на улицу, не посмотрю, что батюшка тебе дом завещал! — на одном дыхании выпалил дядя тираду и, громко захлопнув за собой дверь, скрылся в дальней части дома.

Глава 17

Не приходившая мне прежде в голову мысль о возможной беременности обрушилась ушатом холодной воды, мелким тремором растеклась по коже.

Не успев отдышаться после ловли куриц, я обессиленно прислонилась к стене. Пульс, набирая обороты и заглушая все звуки, зашелестел в ушах. Онемевшими руками я принялась торопливо себя ощупывать, как будто интересное положение можно определить тактильно.

Утром меня не мутило, фигура в порядке, грудь не болит — подвела я итог осмотру, что ничуть меня не успокоило. Внешних признаков до поры до времени может и не быть, а потом получай, Ася, сюрприз...

От перспективы быть связанной с вымогателем общим ребенком холодок прошелся по позвоночнику. Тело меня, может, и предавало, напоминая, какие чувства Настя питала к шантажисту, а вот мозги оставались на месте. Поэтому держаться от него я собиралась как можно дальше.

Через две закрытые двери слышался раскатистый храп. А у меня сна не было ни в одном глазу. И сердце колотилось как сумасшедшее: то ли от моего страха, то ли это эмоции Насти его разогнали.

Сейчас бы валерьянки, но, чтобы приготовить отвар, нужен керосин, которого нет. И печь топить рано: в доме еще

тепло и сухо.

Самое время прибегнуть к еще одному способу успокоения нервов — к уборке. Тем более — я глянула на пол — насвинячили куры сильно, а навести чистоту во всем доме я собираюсь со вчерашнего дня.

Ну и что, что сейчас глубокая ночь? Правда, скрип колодезного журавля в окружающем безмолвии оказался особенно громким, и мне пришлось каждую минуту оглядываться по сторонам, проверяя, не разбудила ли я сельчан.

Заполнив водой четыре таза, я вооружилась отваром мыльнянки и взялась за дело. Начала с кухни и шкафчика, служившего одновременно столом. Вытащила из него всю посуду, а уложенные на полки газеты забросила в печь. И сразу же пожалела, что нет у меня перчаток, хоть резиновых, хоть нитриловых. Потому что таких гор мышинового помета я в жизни своей не видела. Но жаловаться некому, и я принялась мыть, изо всех сил натирая полки и стенки мыльнянкой.

Завершив мытье шкафчика, я перемыла посуду — старую, но из добротного стекла — и вернула ее на прежнее место. Завершающим штрихом прошла мыльной тряпкой по стенам и полу.

А потом остановилась и посмотрела на результат работы. Сказать, что кухня блестела, было нельзя. Но лишь потому, что все ее поверхности были матовые. Прислушалась к сердцу и довольно кивнула: оно не частило и шума в ушах больше не было.

Хорошая замена валерьянке, обрадовалась я и быстро повернулась на месте. Слишком быстро: плечо зацепилось за висевшую на стене подставку с тарелками. Громкий дребезг — и я напряглась всем телом, готовая услышать грохот падающей на пол посуды. Но вместо этого из глубины моего сознания прорвался резкий оклик:

— Стой, куда идешь!

Следом стала прорисовываться и стремительно наполняться деталями живая картина, на которой я стою перед огромными коваными воротами.

— Документы!

Я вздрагиваю и сильнее сжимаю корзинку в своей руке. Протягиваю пожелтевшие бумажки и удивляюсь, что руки не трясутся. И что внешне я выгляжу спокойной. А вот внутри... Сердце опять подпрыгивает к горлу, гоня горячую кровь по венам.

Страж заглядывает в бумаги, потом на корзинку, наполненную ягодами, а я умираю от страха. Что, если не удержу личину и меня схватят? Стараюсь смотреть безразлично мимо синеватых, бархатного оттенка ягод голубики. Мимо стража и мимо дворца герцога.

А еще стараюсь не думать, что прячется под этими вкусными изысканными ягодами. Потому что менталистов герцог особо почитает и во дворце они на каждом шагу. А у меня личина слабая. От ментальной магии она меня не защитит.

— Проходи, — страж отходит в сторону, освобождая мне путь.

Напряжение отпускает мое тело. И я не могу удержаться от улыбки. Зря я боялась: Артур был прав, когда убеждал меня, что план безупречен. Я бросаю последний взгляд на стража, и теперь его форма и головной убор кажутся мне смешными. Кто только придумал перья к нему крепить?

По-прежнему улыбаясь, я прохожу главные ворота, открывающие путь во дворец, иду к черному ходу и по большому светлому коридору направляюсь на кухню.

— Что это такое у вас в корзинке? — останавливает меня знакомый голос. Это голос, от которого бросает в оцепенение каждый раз, стоит только его услышать. — Погодите, голубика? Из каких краев?

Вместе с оцепенением накатывает злость. Элиану ли не знать, из каких краев ягода? Конечно, все он знает, но хочет услышать это от меня.

— Из самого приграничья. Из поместья графа Омелькова, — перебарщиваю с кротостью, но и леший с ним. Точнее, его любимый Светлый лес.

— Из хороших мест ягода, — кивает и зачерпывает ладонью целую горсть.

А я опять холодею. Зачерпни он поглубже — и его улов оказался бы другим. И тогда... Но я запрещаю себе думать о плохом, улыбаюсь и припускаюсь в кухню. Там осматриваюсь и, пока кухарка занята готовкой, ставлю корзинку в

ящик, извлекая флакончик с зельем и прячу его в глубине шкафа среди кухонной утвари. И для пущей надежности накрываю его иллюзией. Теперь каждый на его месте увидит никому не нужную щербатую рюмку.

Видение растворилось в воздухе, и я, словно со стороны, услышала, как дрожат мои руки. Убедившись, что тарелки уцелели, я, чтобы ни о чем не думать, схватила тряпку и с небывалым рвением продолжила уборку.

На очереди была гостиная. Провозиться с ней пришлось долго: окна слишком грязные и куриный помет, будь он неладен... Но прошло два часа, и я перебралась с тазами и мыльнянкой в зал.

Игнат продолжал раскатисто храпеть, а я тем временем отмывала стены, окна, полы. Хорошо, что лампочка под потолком сияла ярко. Но в таком состоянии, как сейчас, я работала бы и в темноте.

Первые лучи рассвета, пробившиеся через пожухлые гардины, показались непривычно розовыми. Стекла я намыла тоже от души, и теперь можно было видеть рассвет во всей его красоте.

Неубранной осталась только комнатуха Игната. Я решила дождаться, когда он проснется, и потом заняться ею. А пока можно снова затопить печь: за ночь дом изрядно охладился. Заодно сварю картошку, сделаю отвар валерианы и ромашки.

На пожарище я обнаружила полусгоревшие брикеты тор-

фа. Теперь печь топиться будет дольше, прогреется лучше и тепло сохранится тоже дольше.

Не прошло и часа, как огонь в печи уже всю гудел, а я переливала в бутылку готовый отвар валерианы. Окруженная душистыми парами, я почувствовала, как голову снова заволакивает туман, а за ним проступают богатые покои с позолотой на стенах.

Статный мужчина сидит за столом, и я, теперь уже под другой личиной, несу поднос с напитками и едой. Мне страшно. Очень страшно. Но я верю словам Артура, что он позаботился о моей безопасности. Ставлю поднос на стол перед герцогом, кланяюсь и отхожу к двери.

Свою задачу я выполнила, можно и исчезнуть.

Я встрепенулась. Тогда почему этот столичный франт меня шантажирует? Я, вернее Настя, сделала все, что он требовал. Если у него самого не получилось воспользоваться временным помешательством герцога и заставить его подписать нужные бумаги, это не моя проблема.

Так ему и скажу!

В памяти выплыло перекошенное от злости лицо Артура. — Твое зелье не сработало! Он не потерял рассудок! Слышишь? — И я почувствовала, что меня встряхнули. Сильно. Но Насте, эмоции которой все еще звучали во мне, это лицо все равно казалось божественно красивым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.